

Г. КУБЛИЦКИЙ

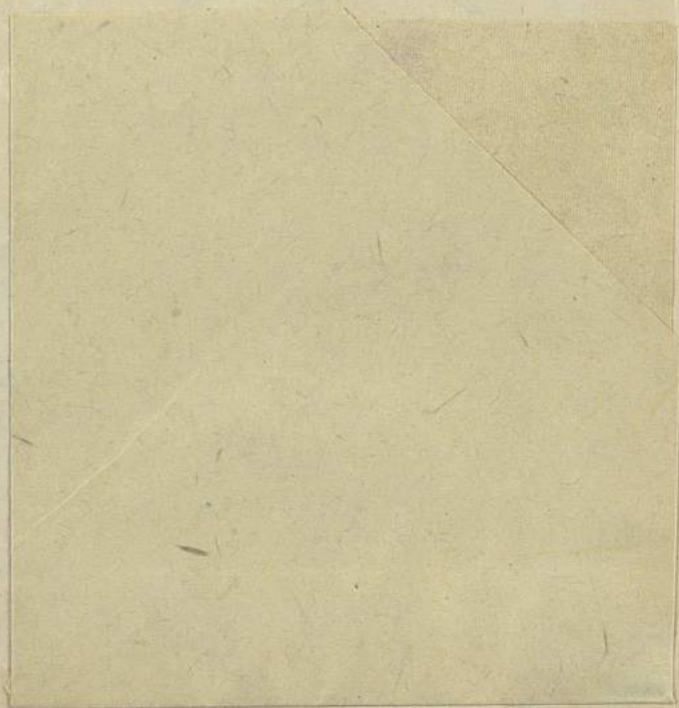
Рейс В ЭВЕНКИЮ

Обязательный
контр-пример
ЭКЗЕМПЛЯР

19 39

КРАСНОЯРСКОЕ КРАЕВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

39-9
2546

Г. КУБЛИЦКИЙ

РЕЙС В ЭВЕНКИЮ

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

5
110

19 39

КРАСНОЯРСКОЕ
КРАЕВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

К ЧИТАТЕЛЮ

В сущности, мы очень слабо знаем наш большой и богатый Красноярский край. С удовольствием и гордостью мы говорим, что он простирается от границ Тувинской Аратской республики до берегов Северного Ледовитого океана, что на севере края промышляют белых медведей, а на юге выращивают виноград, что в Хакасии начинают сев как раз в то время, когда над зимовкой мыса Челюскина еще свирепствует пурга... Мы гордимся нашими „Столбами“, чудесным углом сибирской природы, гордимся Игаркой, свидетельством большевистских дел в Заполярье. Слава Игарки шагнула далеко за границы края и даже за пределы страны.

Зато иной раз слышишь недоуменный вопрос от человека, считающего себя осведомленным старожилом:

— А разве остров Диксон входит в наш край?

Да, входит. В него входит также необъятная территория, что лежит между широтами Енисейска и Игарки. Что мы знаем о ней? Мало, очень мало. Нет здесь больших городов, не видно труб фабрик и заводов, а на полотне карты совсем немного кружков — селений. Тем не менее этот кусок края очень интересен и своеобразен, а огромные природные богатства позволяют говорить о его большой будущности. Мы имеем в виду Эвенкию, молодой национальный округ, где существуют еще нехоженные места, где

экспедиции до сих пор открывают новые реки, где можно проехать пятьсот верст и не встретить ни одной живой души.

Автор этих строк принимал участие в большой экспедиции на речном теплоходе „Красноярский рабочий“.

На экспедицию была возложена задача: войти с караваном в два мощных притока Енисея—Подкаменную и Нижнюю Тунгуски,—подняться по этим почти неосвоенным рекам возможно выше и доставить грузы для эвенкийского народа, обитающего на огромной территории междуречья. Рейс оказался удачным. Каравану удалось преодолеть пороги и перекаты „диких“ рек. Грузы были доставлены в Туру—центр Эвенкии.

Этот экспедиционный рейс и описывается в книжке. Для того, чтобы сколько-нибудь полно и исчерпывающе рассказать об Эвенкии, надо прожить там годы. Записи в блок-ноте газетного работника, побывавшего в этих местах проездом, наблюдавшего жизнь берегов с борта теплохода, неизбежно грешат поверхностностью. Но если у читателя после прочтения предлагаемой его вниманию книжки появится хотя бы общее, приблизительное представление о природе описываемых мест, быте и нравах их населения, если она расширит его познания о крае,—автор будет считать свою скромную задачу выполненной.

Экскурсия по карте

Суматошные, горячие дни! Солнце печет совсем полетному, только темные лужицы остались на берегах там, где еще вчера были хрусткие, игольчатые льдины. Енисей — полноводный, бурный, вздувшийся — несет вырванные с корнем деревья, бревна, огородные плетни, всякую всячину, накопившуюся за зиму на берегах.

Надо торопиться. Надо ловить дни половодья. И вот — все торопятся. День и ночь на пристани слышны свистки пароходов, лязг якорных цепей и гулкая перекличка капитанских рупоров. Снабженцы с тугими брезентовыми портфелями носятся от пристани к конторе, от конторы к складам. Их ругают за то, что не во-время доставлена картошка, за то, что не хватает канатов и вообще за то, что вода вот-вот начнет падать, а конца погрузки еще не видно.

Один опытный капитан, участник многих экспедиций, сказал мне однажды:

— Со времени погрузки каравеллы Колумба получается так, что для окончания всей подготовки к отплытию всегда не хватает ровно одного дня. Но боже вас упаси от проявления слабыхарактерности в этом скользком деле! Попробуйте задержать отплытие на день — окажется, что нужен еще денек для ликвидации на корню кое-каких мелких недоделок. Так, откладывая отдачу концов со дня на день, вы с большим опозданием выходите в рейс. И что же? На

второй день пути приходит, скажем, боцман. Лицо у него виноватое. Некоторое время он мнется, потом выпаливает: „Неладно получилось, товарищ капитан. Брезенты-то для люков мы в порту оставили. Да и обтирочной ветоши для машин на рейс нехватит...“ Поэтому мой совет: назначен срок—выходи. От задержки толку не будет.

Руководство нашего каравана, очевидно, не следовало этому мудрому правилу. Отплытие было отложено сначала на десять часов, потом еще на сутки. Наконец, когда провожающие, потеряв всякую надежду когда-нибудь расстаться с нами, разошлись с пристани, теплоход торопливо дал отходные гудки. Поползли назад причалы, бывший старый собор с вывеской „Аэроклуб“, склады, крытые железом. Облако пыли, что постоянно окутывает город в жаркие дни, отступило за корму, и сразу стало легче дышать.

Караван вышел на фарватер. Баржи, счаленные за кормой „Красноярского рабочего“, осевшие в воду по самую ватерлинию под тяжестью товаров и продуктов, предназначенных для факторий Эвенкии, вытянулись в длинную цепочку. В их трюмах лежали горы мешков с мукой, штабеля папиросных ящиков, бочки с маслом, кипы мануфактуры, проволочные сетки для зверопитомников, охотничьи ружья, книги, аэросани и множество других вещей, о которых в накладных коротко говорится: „разный груз“. Весь этот „разный груз“ нам предстояло поднять по рекам Подкаменной и Нижней Тунгускам—двум сестрам богатыря Енисея.

Перед выходом в рейс я бегло просмотрел карты. Подкаменная Тунгуска впадает в Енисей как раз в том месте, откуда одинаково далеко и до Красноярска и до Игарки. Ее извилистая линия отходит от Енисея вправо и теряется за пределами края. Нижняя Тунгуска величественна даже на карте. Жирная черта ее

устья начинается около Туруханска и, постепенно утоньшаясь и разветвляясь на десятки артерий, уходит вглубь, на восток, к верховьям великой сибирской реки Лены, почти соединяясь с ней у Киренска. Длина этого крупнейшего притока Енисея приближается к 3500 километрам. Немного короче Волги, длиннее Ганга, почти в два с половиной раза длиннее Рейна—вот какова Нижняя Тунгуска!

...Давно уже остался позади Красноярск. Исчез за поворотом Енисея чудесный Есаульский бор, смолистый аромат которого ветер донес к нам с берега. Бурная весенняя вода пронесла караван мимо Атамановского „быка“—крутой скалы, у подножья которой выются воронки водоворотов. Приближался Казачинский порог.

Вспоминается фраза из учебника географии: „в СССР крупные пороги находятся на реках Енисее, Ангаре и других“. Казачинский порог—не самый крупный из ангарских и енисейских порогов, но и он достаточно внушителен.

...Все быстрее и быстрее мчит Енисей свои воды. Все ближе сходятся берега—бурые, каменистые, заросшие тайгой. Издали слышен характерный шум воды, прокладывающей себе дорогу между камней. У входа в порог—семафор. Да, самый настоящий семафор! Он гостеприимно открыт: пожалуйста, путь свободен. Зато на семафоре в конце порога сейчас поднят красный шар. Своеобразное регулирование движения здесь совершенно необходимо: фарватер порога настолько узок, что при случайной встрече в нем двух пароходов одному неизбежно пришлось бы выбрасываться на камни. И осенью, перед ледоставом, бывает так, что под порогом скапливается очередь... пароходов. Они переговариваются между собой языком гудков—кому первому итти в порог. Каждому хочется поскорей миновать опасное место.

Мы входим в порог. Река делится на два рукава высоким скалистым островком. В правом, узком рукаве, вода кипит, как в котле. Камни, голые и скользкие, торчат из воды. Теплоход идет левым рукавом. Корпус судна дрожит; водовороты толкают его из стороны в сторону. Местами вода выпучивается буграми, как бы выталкиваемая из глубины неведомой силой. Ветер срывает хлопья пены с гребешков волн. Караван мчится меж каменистых берегов чуть не со скоростью поезда.

Неожиданно под яром левого берега я увидел странное судно. Хилая труба его торчала не посередине, а ближе к одному из бортов. В центре корытообразного корпуса виднелся огромный барабан с намотанным стальным тросом. Внешний вид судна был настолько непривычен и странным, что наблюдатель нисколько не удивился бы, прочтя на его борту надпись „Севрюга“: очень уж напоминал этот пароходик то самое суденышко, на котором совершали путешествие молодые таланты города Мелководска в веселом фильме „Волга—Волга“...

Но суденышко называлось не „Севрюгой“, а „Бурлаком“. Из его трубы валил дым. По всем признакам пароходик был действующей единицей Енисейского флота. Больше того, он являлся его необходимейшей частью, как я узнал позднее. Название чрезвычайно точно определяло его жизненные функции. Это был бурлак Енисейского флота.

Течение в Казачинском пороге настолько стремительно, что некоторые пароходы не могут преодолеть его силой своих машин. Подойдя к порогу с низовьев, они свистками начинают взывать о помощи. Тогда на „Бурлаке“ начинается оживленная деятельность. Он отваливает от берега. Тут выясняется назначение барабана с тросом. Один конец троса заделан намертво в грунт выше порога, другой намотан

на барабан, который начинает вращаться с большой быстротой. Туэр (так называется конструкция нашего „Бурлака“) спускается в порог и подает буксир на малосильный пароход. Затем барабан начинает со скрипом и треском вращаться в обратную сторону...

Так, медленно, но верно наматывая трос, неказистый „Бурлак“ тянет за собой какой-нибудь большой пассажирский пароход через весь порог на более спокойную воду, вызывая уже не насмешку, а уважение.

Чтобы пройти пятикилометровую стремнину Казачинского порога, каравану потребовалось времени не больше, чем читателю для прочтения того, что о пороге написано выше.

Через несколько часов мы были уже против селения Стрелка, где в Енисей впадает Ангара. Как и всегда при прохождении этого места, возник спор по поводу того, впадает ли Ангара в Енисей, или, наоборот, Енисей впадает в Ангару. Спор этот не так беспредметен, как может показаться сначала. Я смотрел на могучую Ангару, которая при впадении почти в два раза шире Енисея, и червь сомнения точил меня, склоняя в пользу „ангарцев“.

— Ангара шире!—горячился помполит.

— Зато Енисей судоходнее, — возражал помощник механика.

— Но Ангара длиннее вашего Енисея!

— Это еще как сказать!

Желая окончательно сразить сомневающихся, помполит сходил в каюту и вернулся оттуда с выписанными на бумажку цифрами:

— Вот, Фомы неверные, смотрите!—Оказалось, что длина Енисея равна 4063 километрам, а длина Ангары вместе с Селенгой превосходит эту цифру почти на целую треть!

— Условно один ноль в твою пользу, — нехотя согласился помощник механика, страстный футболист,

которому удавалось заниматься любимым спортом один месяц в году: лето проходило в плавании, а зимой в футбол не поиграешь...

В Ангаре—прозрачная вода. Мне приходилось летать над Стрелкой на самолете. Сверху ясно виден своеобразный „водораздел“ между желтосерой мутью Енисея и иссиня-темными ангарскими водами. Струи идут параллельно, не смешиваясь окончательно даже на расстоянии 20—30 километров от Стрелки.

Енисейск

От устья Ангары недалеко уже и до Енисейска. Река здесь раздалась вширь, берега стали ниже, приземистее. Енисейск виден издали. День выдался теплый и солнечный. Сначала мы заметили радиомачты. Затем появились купола церквей. Раньше про Енисейск говорили, что церквей в нем больше, чем домов; купцы — толстосумы и владельцы золотых приисков, не желая якшаться с прочим „людом“, строили каждый свою собственную церковь... Разжиревшие на сверхприбылях хищники соперничали друг с другом: один выстроит церковь с каким-нибудь необыкновенным куполом, другой, чтобы переплюнуть конкурента, тотчас отольет колокол с серебряным звоном...

Чуть повыше города дымит труба лесозавода. В бухточке около набережной—мачты, много мачт, опутанных паутиной такелажа. Это—боты и полуморские пароходы гидрографического отряда, который каждую весну уходит в Енисейский залив и несет там вахту проводников океанских лесовозов, идущих северным морским путем в Игарку.

Теплоход дает протяжный гудок и разворачивает караван. Подваливаем к берегу.

Блестит на солнце новая набережная — сосновая,

желтая, как сливочное масло, пахнувшая крепким запахом хвои. Могучие березы бульвара уже покрылись нежным пушком майской зелени. Если не половина, то во всяком случае третья часть граждан города Енисейска прогуливается по бульвару: сегодня выходной день, сегодня пришел караван, сегодня тепло и солнечно. Весной город живет рекой. У причалов стоят караваны, пережидающие ледоход в низовьях. По трапам, с сундучками и баульчиками, поднимаются на пароходы прославленные енисейские лоцманы, исходившие родную реку и ее притоки от истока до устья.

Енисейску—300 лет. Это—видевший виды город. Стены Енисейского острога заложил еще в 1618 году присланный из Тобольска боярский сын Петр Албычев. В конце XVII века власть города, как административного центра, распространялась даже на Забайкалье. Именно из Енисейска вышел русский казак Семен Дежнев, тот самый, что на шести „кочах“ отважился плыть в студеное море и на 80 лет раньше Витуса Беринга открыл Берингов пролив.

История города знает периоды взлета и падения. Он был крупным торговым центром; на ежегодные ярмарки сюда приезжали за собором и белкой заморские торговые гости. Потом, когда был проложен Московско-Иркутский тракт, Енисейск уступил первенство своему молодому соседу—Красноярску. Он начал уже быстро хиреть, но в Приенисейской тайге старатели неожиданно нашли богатейшие золотые россыпи. Началась золотая лихорадка. На сибирский Клондайк, следом за старателями, потянулись торговцы, ловкие предприниматели, наконец, просто авантюристы. Енисейск, став центром золотопромышленности, быстро оброс церквями, питейными заведениями и публичными домами. Но судьба готовила ему новый удар. Через бескрайные равнины и таежные

хребты протянулись стальные нити великого транс-сибирского железнодорожного пути. Красноярск оказался на магистрали, Енисейск—в стороне.

Когда-нибудь найдется, наверно, бытописатель, который соберет и обобщит материалы о енисейской золотой горячке, о дикой эксплуатации, о „вольной приисковой каторге“, воспетой в известной песне:

Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе
В северной тайге...

Я встретил однажды старого „золотничника“, пришедшего в енисейскую тайгу с первыми партиями искателей счастья. Сначала он отмалчивался, отвечал на вопросы односложно, но потом вдруг разошелся:

— Эх, было времечко! Нападешь, бывало, на золотишко, намоешь его да и подаешься в Енисейск—пить да гулять. По тайге идешь с опаской, каждого куста боишься. Нас в то время горбачами звали. Ну вот, за горбачами-то не мало злых людишек охотилось. Был в Енисейске такой почетный гражданин и гильдейный купец Востротин. У него на прииске лучше не работай. Выдаст тебе расчет, пронюхает, сколько золотишка добыл, да и шепнет своим ребятам: горбач, мол, богатый идет. Ну, а те в тайге и стерегут. Награбленное—пополам.

...Шибко на него старатели серчали. Не раз убить хотели, да только купчина был осторожный, знал, что на него народ зол. Ну долго ли, коротко ли он жил, а только подход все-таки. Так вот, когда его похоронили, ночью явились старатели на могилу, отрыли дорогого покойника, поставили на четвереньки, а в изголовье вместо креста вбили осиновый кол...

—Ну, а в самом Енисейске жизнь веселая была?

—В Енисейске? На Зеленой улице—что ни дом, то кабак. В каждой двери—окошечко. Придешь ночью,

постучишь в окошечко, сунешь деньги—тебе тотчас полуштоф выставят. Ну пока деньги еще водятся, справишь себе плисовые шаровары пошире, фланелевую рубашку до колен, с вышивкой, цепь серебряную обмотаешь вокруг шеи, сапоги высокие с подборами наденешь.

Старик замолк, задумался. Потом сказал:

— А, по правде говоря, паскудно жили. Только и радости было, что в вине. Оберут тебя в три дня как липку и опять год спину гни. Худая была жизнь, собачья...

...Новый Енисейск растет сквозь руины старого. Новый город—это аэропорт: „колбаса“, на безветрии вяло обвисшая вокруг мачты, самолет, только что прилетевший из Красноярска с пассажирами и почтой. Новая набережная. Новые основательные тротуары, победившие наполовину устрашающую грязь енисейских улиц. Лесозавод. Газетные киоски. Большие магазины. Дом культуры. Стадион с футбольным полем.

Рост нового Енисейска пока медленен. Но енисейцы вовсе не склонны к пессимизму. У Енисейска есть перспективы. В деревне Подтесово, под Енисейском, возникает затон—место зимовки речного флота, плавающего в низовьях. Кстати, мы проплывали мимо деревни Подтесово. Там уже идет работа. Полутоннокилометровая дамба должна перегородить Подтесовскую протоку к началу 1941 года.

... И сам Енисейск строится, растет.

Вернувшись на теплоход из города, я застал нашего капитана в большой тревоге. Только что была получена телеграмма о движении застоявшегося в среднем течении Ангары льда. Ангарский лед мог догнать нас на открытом Енисейском плесе.

— Надо удирать!

Загудел гудок, собирая команду, отлучившуюся на

берег. Тревожно всматриваясь в верховья, откуда вот-вот могли показаться льды, сулящие нам крупные неприятности, вахтенный штурман облюбовал бухточку—на случай, если придется прятать караван.

Прятаться в бухточку нам не пришлось. Мы распрощались с Енисейском на два часа раньше, чем к нему подошла первая ангарская льдина. Подгоняемый половодьем, караван быстро идет на север. Уплывают назад лесистые берега, одинокие деревеньки, километры фарватера. И вот, получилось так, что, уйдя от ангарского ледохода, мы постепенно нагнали енисейский. Его разрушительные следы виднелись всюду. Торосы плотной стеной закрывали прибрежные тальники. Плыли вырванные могучим течением деревья, бревна, унесенные из далеких гаваней верховьев.

Над водой с криками носились стаи уток. С песчаных кос от шума винтов поднимались косяки гусей. На судне началась охотничья горячка—„болезнь“ крайне заразительная, но скоро проходящая. Всем было ясно, что даже самый меткий выстрел не приблизит гуся или утку к нашему столу: течение быстро унесет убитую птицу. Но непуганная дичь действовала на сердце начинающих охотников совершенно неотразимо... С борта то и дело хлопали выстрелы. Так продолжалось день—два. Потом, когда запасы дробы поредели, пальба быстро пошла на убыль.

А лед становился все гуще и гуще. Он уже причинял немало беспокойства нашим штурманам: того и гляди, какая-нибудь льдина проломит борт деревянной баржи. Приходится лавировать, обходить каждую, даже незначительную льдинку: снаружи-то она мала, но чорт ее знает, какова у нее подводная часть...

Селения в этих местах редки: зато навстречу каравану высыпают буквально все жители, от дряхлых стариков до детворы. В село Ворогово мы пришли

под вечер. На берегу горели костры, протяжно пела гармошка. Бросив якорь, спустили шлюпки. Но на сушу удалось попасть далеко не сразу. Долго карабкались через барьер ломких льдин. Вороговцы тотчас обступили гостей, засыпали десятками вопросов: с конца прошлогодней навигации люди с „магистрали“ к ним почти не заглядывали. Пришел заведующий клубом; ему сказали, что свежих газет у нас нет.

— Ничего, я посмотрю, может чего-нибудь и найду,—бодро заявил он.

Он тотчас прошел в салон и не долго думая, забрал все газеты, журналы и добрую половину брошюр к ужасу нашего культурника. Пресечь такую неслыханную „агрессию“ ни у кого нехватило духу...

Кряжистый гражданин со значком Главсевморпути на кепке пятнистой тигровой расцветки и неопределенной формы тотчас потащил нас к себе „гостевать“. Он оказался работником местной фактории и жил в другом конце села.

Северные села резко отличаются от сел средней части Сибири. Дома здесь двухэтажные, массивные, накрепко срубленные из лиственницы. Лес расходует-ся на стройку с необыкновенной расточительностью. Все дворы крыты сверху; мало того, внутри каждый двор замощен деревянным настилом. Крыша спасает от свирепых зимних пург, настил—от грязи. Тротуары на улицах сложены из обшивки барок, сплавленных сюда из верховьев.

Через несколько минут мы уже сидели в просторной горнице. Пока хозяйка жарила свежего тайменя и бегала к соседке за брагой, хозяин рассказал о своей последней неудаче:

— Вчера на медведя ходил. Настиг его уже темно. Ну, натурально, приложился... Бах! Что такое?—бежит мой медведь. Ничего не понимаю. Промахнуться-то не должен бы. Что ж думаете? В темноте

не заметил я меж собой и медведем тонкой березки. Пуля-то в нее попала, да и в сторону. Так и ушел мой медведь... А сегодня уж не до медведя: караван ждал, все глаза проглядел.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что хозяин и сам не знает, что является его настоящей профессией—охота или счетоводство. За зиму он добыл несколько медведей и 900 хвостов белок. В дебрях баланса он может заблудиться, в таежных дебрях—никогда. Тут же он сообщил доверительно, что приезд ревизора—инспектора пугает его куда больше, чем встреча в тайге с медведем один на один. Может быть, ревизор найдет какие-нибудь неправильности в записях, придерется к чему-нибудь. А с медведем—дело проще.

На теплоход мы возвратились глубокой ночью. Луч мощного судового прожектора лежал на свинцовой воде, искрился разноцветными огоньками на иглах торосов. Через полчаса восточная половина неба порозовела и караван снялся с якоря. В этот день мы проходили Осиновский порог.

В ожидании интересного зрелища, я забрался на капитанский мостик. Прошло полчаса, час. Давно уже должен быть порог, но ничто не указывало на его приближение. Стараясь казаться равнодушным и совсем не любопытным, я спросил у штурмана:

— Что же это порога-то не видать?

— А ты не в ту сторону смотришь, вот тебе и не видать.

— Как не в ту?

— Очень просто. Оглянись назад.

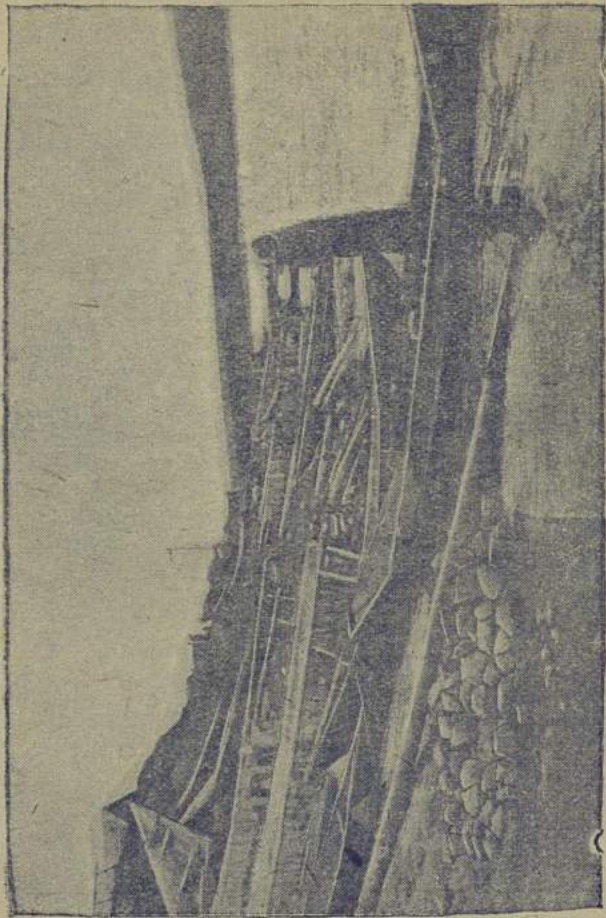
Я решил, что штурман меня „разыгрывает“: сзади расстилалось спокойное плесо, ничем не примечательное для взора. Только красные бакены стояли здесь чаще, чем в других местах реки, да течение было чуть быстрее. Но штурман не шутил. Оказывается,

Осиновский порог в большую воду почти не заметен; только лоцманы знают, какие коварные „опечки“ скрывает спокойная водная гладь. Становится досадно, что порог так обманул ожидания. Тоже порог называется!

— Ничего, не горюй, — утешает меня штурман. — Сейчас увидишь кое-что почище порога!

...Берега начинают постепенно подниматься вверх, становятся суровее. Что это? Посреди реки высится скала. Она напоминает нос встречного корабля, пересекающего воду. Караван идет прямо на скалу. Я поглядываю на рулевых; они равнодушно попыхивают носогрейками. Когда столкновение со скалой кажется неизбежным, теплоход сворачивает чуть влево. „Кораблик“ — так называется эта скала — виден уже сбоку, около самого борта. Вечные ветры, дующие по долине Енисея, оголили тот его склон, который принимает на себя напор воды. Остальные покрыты таежным буреломом. „Кораблик“ не одинок в своем мрачном величии. За ним в кильватер выстроились еще два островка, чуть поменьше. С „Корабликом“ соперничают „щеки“. Енисей здесь стиснут между высокими крутыми, почти отвесными берегами, образующими ущелье. Скалистые „щеки“ покрыты густой щетиной тайги, кое-где небрежно выбритой всепожирающим огнем лесных пожаров. С гор падают ручьи. Сейчас, ранней весной, они кажутся водопадами, замороженными налету...

Величественна и своеобразна красота этих мест! Конечно, Кавказ — красив, Крым — прекрасен. Но сибиряки, бурно выражающие свое восхищение по поводу открытки, изображающей незатейливый кавказский пейзажик где-нибудь под Кисловодском, с шашлычной на первом плане, просто не уважают своих родных мест. Не так уж серы и монотонны пейзажи Сибири. Внимательно оглянувшись вокруг себя, сибиряк может увидеть десятки красивейших мест,

Берег около села Подкаменная Тунгуска.

способных удовлетворить вкус самого взыскательного туриста, тонкого знатока природы.

...Меж тем на теплоходе начали спускать мачты — верный признак того, что приближается устье Подкаменной Тунгуски. Над рекой здесь протянут телеграфный провод и сейчас, в большую воду, наши мачты легко могли бы его оборвать.

Вскоре из-за поворота показалось место слияния двух могучих рек. Берег покрыт плавником, селорасположено на пологом зеленеющем склоне. Через полчаса загрели якорные цепи, погружаясь в желтую, как спитый чай, весеннюю воду Тунгуски.

„Черный остров“

К устью Подкаменной весна еще только пробиралась, медленно и неторопливо. На берегах лежал лед. Кое-где плыли по реке отдельные льдины, как бы спеша скорее уйти на север и не мешать весеннему цветению. Желтым пухом подернулась прибрежная верба. Травы на солнечных косогорах пробивались изумрудной порослью. В селе кипела деятельная жизнь. Люди в синих комбинезонах над чем-то трудились около небольшого здания, где монотонно стучал мотор радиостанции. Они готовились к приему первого самолета с „магистрала“. В правлении местного колхоза имени Парижской Коммуны толпились рыбаки-колхозники. Колхоз готовился к путине. На берегу дед с патриархальной седой бородой покрывал новые колхозные лодки слоем горячей смолы. Сети и невода сушились на кольях вдоль всего берега.

— Что же растет в ваших местах? — спросил я колхозного счетовода.

— Овес, конопля. Картошка родится неплохо.

— А посев большой?

— Не говорите: в сводке показывать стыдно. Шесть гектаров засеваем всего-навсего.

— Мало!

— Ничего, на первое время хватит. Тайга нас кормит, да и на реку не жалуемся. В смысле доходов за нами не всякий южный колхоз угонится, — и он тотчас начал подсчитывать десятки тысяч беличьих хвостов, добытых в притунгусской тайге, сотни пудов стерляди, хариуса, сига и нельмы, выловленных в водах Енисея и Подкаменной Тунгуски.

— А за расширением посевов дело не станет, — заметил, слышавший наш разговор, пожилой колхоз-хозник. — Уж если в Игарке свои овощи едят, то в наших местах такие поля, такие огороды развести можно, что только держись. Дай лишь срок.

Через два часа мы прощались с селом. Новый лоцман, севший в Тунгуске, обошел всех, находящихся на палубе, пожал всем руки и каждого поздрави-
вил:

— С началом рейса вас. Вода очень даже высока, пройдем все пороги в лучшем виде.

Итак, 16 мая начался подъем по Подкаменной Тунгуске, своеобразной и дикой реке, доступной для судоходства только в дни половодья. Теплоход отлично справлялся с сильным течением, и вскоре радиомачты скрылись из виду.

Мы с интересом наблюдали причуды вечной мерзлоты: местами с горы сползал в воду почвенный слой вместе с молодым березняком, кустарниками, мхами и травой. Неровности склона придавали этому „ползущему лесу“ совершенно фантастический вид. Кроны деревьев торчали в разные стороны, ставя на голову обычное представление о стройных стволах, растущих всегда вертикально вверх. Это был какой-то ошетилившийся лес-дикобраз!

Наша первая остановка по Тунгуске предполагалась на фактории „Черный остров“. Таежная фактория, расположенная к тому же на берегу полудикой реки, всегда окружена в представлении новичков ореолом некоторой романтики. В самом деле, в этом живом островке, затерянном среди океана тайги, есть что-то необыкновенно привлекательное...

Фактория прилепилась на крутом берегу реки. Густые заросли лиственницы, кедра, березы вплотную окружили отвоеванный у чащи клочок земли, застроенный незатейливыми бревенчатыми домами. Не успели на караване бросить якоря, как теплоход окружили верткие „ветки“ таежных следопытов — „кетов“. Ветка — легчайшая лодочка, выдолбленная из древесного ствола. Вероятно, еще прапрадеды „кетов“ долбили стволы деревьев каменными топорами, придавая им обтекаемые формы.

С первой же шлюпкой мы поплыли на берег. Странное дело! Казалось, что крутизна склона берегов не позволит задержаться даже лужице воды. Увы! Это только казалось. Берег сочился бесчисленными струйками, нога вязла в самой настоящей топи. На Ангаре мне приходилось встречать такую мокрую тайгу; там ее называют „согрой“. Типичная „согра“ чавкала под нашими ногами, пока мы поднимались к фактории.

Первый же дом привлек наше внимание. Вернее не дом, а стена дома, на которой были растянуты для просушки три свежие шкуры. Две шкуры были явно медвежьи, а вокруг третьей разгорелся жаркий спор. Механик уверял, что это — лошадиная шкура. Его помощник высказывал предположение, что шкура принадлежала корове, которую задрали медведи, поплатившиеся за разбой собственными шкурами. Спор разрешил радист, здешний житель.

— Местный Маркони,*)—бойко отрекомендовался он.—Шкурами любуетесь? Славные были медведи. Мы их тут недалеко от фактории шлепнули. А это, позвольте представить, бывший сохатый, он же лось.

Механик и его помощник сконфужено переглянулись.

Радист, видимо, был пламенным патриотом „Черного острова“. С видом опытного гида, показывающего интуристу собор Василия Блаженного, он сделал широкий жест и приступил к перечислению местных достопримечательностей.

— Прямо перед собой вы видите мою резиденцию; мы не оторваны от мира и узнаем все новости в тот же день, когда их узнает Москва. Далее расположен наш „универмаг“. Вот этот домик, правее—амбулатория. Здесь дом национала. Роскошный особняк в четыре окна—жилой дом № 1. Еще есть пекарня и скотный двор. Теперь все.

Фактория обстроилась солидно и хозяйственно. Около домика видны грядки: оказывается, здесь созревают морковь, репа, огурцы. Коровы и лошади бродят по склону горы. От строения к строению проложено нечто вроде тротуаров. Неприятно поражает разве только неряшливость здешних обитателей; всюду валяются консервные банки, кости и прочий хлам. Зимой все это было похоронено под снегом, а сейчас вылезло наружу и отнюдь не украшает пейзаж.

Между тем, охотники, объехавшие на быстрых „ветках“, управляемых одним веслом, весь караван, вытащили свои суденышки на берег и вступили в беседу. Почти все они хорошо говорили на русском языке. Язык „кетов“ односложен. Революция внесла в него массу новых понятий: совет, конституция,

*) Так полярники называют радистов—по имени одного из изобретателей беспроволочного телеграфа.

фактория, товарищ, самолет, колхоз, стахановец, катер, избиратель, зажиточность... Слов для обозначения этих понятий в языке „кетов“ раньше не было; и слова дружественного русского народа вошли в него, как любимые и всем понятные.

По обычаю разговор начался с традиционного вопроса: „Ну, как промышляете?“

Последовал столь же традиционный ответ: „Ничего себе, помаленьку“...

Выяснилось, что зимой было мало белки; после нового года она почти совсем куда-то исчезла, перекочевала в неизвестном направлении. Зато рыба ловится очень хорошо, да и на весеннюю охоту жаловаться тоже нельзя: утки, гуси сами „просятся“ на мушку.

Мы сидели на дне опрокинутой лодки. Солнце припекло совсем по-летнему. Дым крепчайшего листового табака из доброго десятка „канча“—здоровенных березовых трубок, обильно украшенных медью, мог защитить не только от комаров, но, пожалуй, был способен обратить в паническое бегство самого „хозяина“ тайги—медведя.

— Пойдем к нам постевать,—предложил молодой охотник.

Я охотно согласился. Мы пошли по еле заметной тропинке, вниз по реке. Вскоре показалось около десятка чумов, защищенных от ветра зарослями тальника. Собаки—их было много—встретили нас разноголосым лаем. Выбежали ребятишки—проворные, черноглазые. Все чумы были похожи один на другой, как капля воды. Их деревянные конусообразные остовы покрыты берестой; особым образом обработанной и сшитой в длинные ленты, — „тиски“. В центре чума—зола очага; закопченное отверстие в „крыше“ предназначается для выхода дыма. Свежие еловые ветви, олени и медвежьи шкуры, ра-

зостланные на земляном полу, составляли внутреннее убранство чумов.

Зашел разговор об оседлости. Эта тема сейчас на языке у всего кочевого населения севера. Народ кето, в прошлом один из наиболее отсталых, забытых народов Крайнего Севера, начавший перед революцией вырождаться под влиянием алкоголизма и болезней, сейчас крепко встает на ноги. Братская помощь русских, построивших школы, фактории, больницы, красные чумы, безусловно велика. Но многое еще предстоит сделать.

Кето занимаются исключительно охотой и рыболовством. Побочные промыслы—изготовление „тиски“ и долбленных веток—дают ничтожную продукцию. В хозяйстве кето весомой товарной продукцией является, по существу, только пушнина—главным образом белка. Оленеводством кето почти не занимаются. Совершенно очевидно, что для ускорения подъема благосостояния этого народа необходимо создание более прочной хозяйственной базы, чем зависящие от множества случайностей охота и рыболовство. У кето большое желание перейти из дынных чумов в деревянные дома. Прекрасные олени пастбища на большей части территории между Подкаменной и Нижней Тунгусками позволят им вести оленеводческое хозяйство. Шаги в этом направлении уже делаются. Землеустроительные экспедиции работают в Туруханском районе и Эвенкии не первый год. К сожалению, темпы их работ чрезвычайно низки, а практические результаты явно непропорциональны огромным средствам, на них затрачиваемым.

Итак, наш разговор происходил среди чумов, которые, вероятно, стояли на берегу реки Коль (так называется на языке кето Подкаменная Тунгуска) и сто и двести лет назад. Но населяют их ныне совсем другие люди.

Крепкий, смуглолицый парень вышел нам навстречу и протянул руку.

— Здорово, товарищ. Будем знакомы. Я—Толстых Яков. Однако из Красноярска приплыли?

У Яши было еще другое имя, трудное для непривычного слуха. Улыбаясь, он ловко отодрал тонкий кусок бересты и моим самопишущим пером вывел кривыми, неровными буквами: Кигтан Хоевул, кето.

Яша Толстых одет, как и все его сородичи, в черный грубошерстный кафтан с яркими нашивками и в легкие оленьи ичиги. На поясе у него висел нож в грубых деревянных ножнах; расшитый кисет—„селей“ был заткнут сзади за пояс. Только копну черных, как смоль волос, по обычаю дедов заплетенных в косички, покрывала стандартная москвовшевская кепка, примелькавшегося неопределенного цвета и фасона,—такая самая, что встречается у нас и в Колхиде и в Архангельске. По правде сказать, она выглядела ничуть не наряднее, чем платки, которыми повязывают себе головы большинство мужчин кето.

Яша Толстых был членом местной участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР. Он спросил, не привезли ли мы с собой газет. Узнав, что на теплоходе издается своя печатная газета, он сначала удивился, потом позавидовал. В нашей газете он разыскал прежде всего хронику о военных действиях в Испании. Не верилось, что это был представитель того самого народа кето, который до революции был отнесен к разряду „бродячих инородцев“, не имел ни одного грамотного, поклонялся шаманам и считал, что земля кончается там, где Коль отдаст свои воды реке Кук (Енисею).

Караван простоял у „Черного острова“ целый день. Мешки с мукой, ящики и бочки с маслом оказались на берегу. Наконец, гудок, повторенный эхом трижды, нарушил таежную тишину.

До следующей фактории—Суломая—рекой было что-то около восьми километров. На этом участке мы увидели наглядное доказательство преимуществ „ветки“ перед всеми прочими типами лодок. Минут за пятнадцать—двадцать до отхода каравана один из охотников сел в „ветку“ и легкими ударами двухстороннего весла погнал ее в ту сторону, куда лежал и наш путь. Первым человеком, встреченным мной в Суломае, оказался именно этот охотник. Он кивнул мне, как старому знакомому:

—Однако, теплоход тихо ходит. Ветка машина нет, сам человек работает, а быстрее ходит!—и звонко расхохотался.

Оказывается, он приплыл в Суломой почти на полчаса раньше теплохода, успел навестить знакомых, обстоятельно потолковать с продавцом в магазине, купить всякой всячины и сейчас собрался в обратный путь.

Суломой расположен на красивом высоком берегу, поросшем сосной и кедром. С яра видна светлая лента Тунгуски, убегающей вдаль меж гористых берегов. Куда ни взглянь—всюду горы и тайга, тайга и горы.

И вот, стоит среди этой тайги большое деревянное здание. Красный флаг полощется на его шпиле. Кругом торчат пни столетних лиственниц и где-то под берегом глухо шумит на камнях ворчунья-река. А внутри здания, в просторном классе, сидят смуглолицые ребята, ничего кроме берегов своей реки не видевшие, и с увлечением решают задачу о том, где встретятся два поезда—один более скорый, чем олень, другой очень медлительный, вышедшие навстречу друг другу. Поезд они видели только на картинке, но мы не сомневаемся, что им придется в будущем не раз воспользоваться его услугами. Ведь поехали же недавно пять пионеров из их мест в заманчивый, как мечта, пионерский лагерь Артек, в далекий Крым.

Женщина-кето с фактории „Черный Остров“.

Может быть на будущий год придет их очередь. А потом, когда они станут постарше, можно стать такими, как их учитель. Он — кето, сначала научился грамоте, потом поехал в Ленинград, окончил там институт Народов Севера и вернулся в Суломай.

В классе светло и чисто. В бутылочках, что стоят на партах, распустилась желтая верба. У многих ребят — алые пионерские косынки. Радуют тщательно вымытые руки, подстриженные ногти, аккуратно причесанные волосы.

Петр Иванович, совсем еще молодой учитель, улыбаясь рассказывает:

— Нашу школу смело можно назвать интернациональной. Вот две девочки, что сидят в углу, — Аня Сутлина и Сюен Мосейкина — по национальности кето. А вон на одной парте сидят две подруги: Валя Окладникова, дочь русского служащего фактории и Зоя Кривушева, по национальности коми. Маруся Егорова — татарка. Живут все ребята замечательно дружно: вместе играют, вместе готовят уроки.

Как и большинство школ на севере, Суломайская школа является одновременно и интернатом. Дети кето живут в общежитии при школе в то время как их родители кочуют по тайге. Летние каникулы школьники проводят с родителями.

Нужно сказать, что первое время учителя испытывали немало трудностей при вербовке детей в школу. Приходилось преодолевать агитацию шаманов, распространявших слухи о том, что детей соберут в школу, а потом отправят „шибко далеко“, так далеко, что родители их больше никогда не увидят. Кето очень любят детей. Недепые рассказы шаманов кое-где имели успех. Приходилось долго и терпеливо разъяснять, что такое и для чего нужна школа, приглашать родителей для осмотра общежития и т. д. и т. п. Постепенно почва из-под шаманов была выбита.

В Суломае я встретил охотника Михаила Николаевича Халевина, который и сам не знает точно, сколько лет исполнилось ему в эту весну: ведь у кето никогда не было метрических книг. Приблизительные подсчеты говорят о том, что его возраст колеблется между 87 и 90 годами. Столь почтенный возраст не мешает ему ходить зимой по тайге на лыжах и одним выстрелом снимать белку с вершины дерева. Он — охотник-стахановец. О нем говорят с восхищением:

— О, дедушка Халевин! Вот это охотник! Да он двух молодых за пояс заткнет!

... В фигуре старого кето было что-то такое, что запоминается надолго. Как сейчас вижу крутой обрыв, догорающий в горах закат, вереницу баржей, кажущихся сверху маленькими и легкими, и сухощавую фигуру охотника, застывшего неподвижно, как изваяние. Ни один мускул не дрогнул на его изрезанном бороздами морщин, коричневом от солнца и ветра лице. Даже платок, закрывающий уши и завязанный по-бабьему, узелком на подбородке, не был смешным. Казалось, что на берег Тунгуски пришел оживший герой увлекательных романов Фенимора Купера.

Иллюзия рассеялась неожиданно. Дедушка Халевин улыбнулся и показал рукой на реку:

— Ишь, глубоко осели баржи-то. Товару, поди, страсть много привезли...

Довольный, он неторопливо достал обгоревшую трубочку, закурил, глубоко затянулся и неторопливо начал спускаться с яра к каравану.

„Щеки“

Подкаменная Тунгуска — капризная река. Можно часами любоваться ее дикими берегами, мощными водоворотами, сбегаящими с гор потоками ледяной

воды. Все здесь ново для взора, ничто не повторяется. Желтые воды несут в Енисей хлопья ослепительной белой пены. Пена рождается на порогах верховьев, на многочисленных перекатах, в стремнинах бурливых притоков. Я видел однажды стоящую у берега илимку, расстояние между бортом которой и берегом было забито пеной так, что вода исчезла под этим легким призрачным покровом.

А берега! Вот к самой воде выходят жилы розового кварца. Его сменяет каменистый обрыв, поросший буроватыми лишайниками, скользкий, холодный, весь в потеках почвенных вод. Потом горы вдруг отступают от реки. Поросли оленьих мхов-ягельников придают их склонам чудесный бирюзовый оттенок. Но все эти прелести ландшафта тускнеют и стираются в памяти, как только попадаешь в знаменитые тунгусские „щеки“.

...Штурман разбудил меня на рассвете.

—Вставай, — „щеки“ проходим!

Когда мы проплывали мимо чего-нибудь интересного или делали среди ночи остановку у одинокой фактории, — штурман всегда приходил в каюту и говорил таинственно: „есть что щелкнуть“. При этом он совершенно не учитывал, возьмет ли „лейка“ ночью или в предрассветной мгле заинтересовавший его кадр. К фотоаппарату он питал безграничное доверие...

Я быстро оделся, вышел на мостик — и остолбенел. Прямо перед носом судна на бледной желтизне восхода вырисовывался силуэт гигантского замка, с бастиянами, башенками, зубчатыми стенами, перекидными мостами. Сухие стволы лиственниц казались флажштоками. Недоставало только развевающихся полотнищ с геральдическими гербами.

Поворот — и замок уступил место частоколу высоких столбов, состоящих из каменных ковриг, как бы положенных рукой Геркулеса одна на другую. Потом

появилась колоннада отшлифованных водой и ветром базальтовых „пальцев“. Новая картина, совсем как у Пушкина: „А вот—полужуравль и полукот“.

Очертания скал менялись каждую минуту. Мы видели монаха в рясе и клобуке, неподвижно восседающего на скале, видели хаотическое нагромождение тысячетонных каменных обломков. Когда, наконец, взошло солнце—фантастичность очертаний исчезла, зато картина дополнилась яркими красками. Колорит скал менялся от оранжевых пятен сурика до темнотных оттенков. Почти вся свободная от вахты команда не покидала палубу до тех пор, пока караван не вышел из „щек“. Фотолюбители истратили здесь почти все пластинки, экономно расходуемые во время рейса.

„Щеки“—узкое и извилистое ущелье, в котором Тунгуске тесно, являют собой прекрасный памятник деятельности могучих созидателей и разрушителей—солнца, воды, ветра.

Едва наш теплоход подошел к берегу, на котором расположена фактория Кузьмовка, как из-за дальнего мыса показался силуэт небольшого суденышка. В огромный капитанский бинокль можно было различить типичную тунгусскую илимку, плывущую вниз по реке. Через полчаса илимщики причалили к берегу немного повыше каравана.

В трюме илимки, где бойко потрескивала железная печь, сидело около десяти мужчин, женщин и подростков. Разный домашний скарб придавал илимке удивительно одомашненный, жилой вид. Запах свежей ухи витал в трюме. В углу, у швейной машины, притулилась молодая женщина и шила детское платье.

Кто же и куда плыл на илимке, пробирающейся с верховьев, из Байкита на Енисей? Счастливее всех чувствовал себя самый молодой пассажир—эвенкийский пионер Копкон Тунальчин. Ему недавно исполнилось десять лет.—Куда он едет?—Копкон отвечает с де-

ланным равнодушием, за которым скрывается гордость:

— Далеко, в Артек. И не выдержав тона, улыбается так, что раскосые глаза превращаются в узенькие щелочки, из которых чуть выглядывает лукавый зрачок.

Отец Копкона—в прошлом бедняк, сейчас охотник-стахановец. Он уже не молод и на своем веку видел больше плохого, чем хорошего, больше горя, чем радости. Мир отца был ограничен берегами родной Тунгуски. Копкон только вступает в жизнь. И вот из приполярья мальчик едет к Черному морю, под жаркое крымское солнце. Может быть, через месяц он подружится в Артеке с каким-нибудь Педро, пионером из Астурии. Все может быть!

Еще плыл на илимке секретарь Эвенкийского окружного комитета комсомола Смолин. Крепкий, плечистый, широколицый, он заразительно громко смеялся, красочно описывая свое путешествие. Потом Смолин зашел за газетами на теплоход и за чашкой чая мы разговорились о житье-бытье. Мой новый знакомый ничем не напоминает аппаратного работника. Завидного густого колера коричневый загар, потрескавшаяся на руках кожа, давно не стриженные волосы делали его похожим скорее на рыбака или охотника. Я вскользь заметил ему об этом. Он искренне расхохотался.

— На охотника, говоришь, похож? Что же тут удивительного? Эвенкия велика, просторы ее не мерыны. Здесь ведь за сто—двести верст ездят друг к другу запросто в гости чай пить. И тайга не пугает, и бездорожье непочем. А бывает так, что по делу в какой-нибудь отдаленный райком комсомола нужно ехать верст за пятьсот. Что это значит? А вот что. Это значит—спать зимой прямо у костра в спальном мешке,—гостиниц для командировочных в тайге пока еще не построено. Это значит научиться управлять

оленней упряжкой и уметь ловить оленя арканом— „маутом“ не хуже, чем это делает эвенк-оленовод. Это значит—уметь найти дорогу там, где ее и в помине нет. Ведь человека в тайге ценят и по этим качествам. Если хочешь, это как бы своеобразный техминимум для комсомольского работника в Эвенкии. Ну, а летом, уж никак не обойдешься без „ветки“— благо в реках у нас недостатка не ощущается. Первое время, пока управлять ей не научишься, накупашься до сыта. Зато потом чувствуешь себя как в первом классе какого-нибудь „люкса“.

Теперь перейдем к другой стороне вопроса. Не будешь же набирать с собой полугодовой запас продовольствия. Ясно, не будешь. Берешь ружье, крючки. Остановился у озера—рыбу ловишь. Идешь по тайге, видишь белку, приложился—белка твоя. Вот ты говоришь, что я похож на охотника. Так ведь я и есть охотник! Дел у меня много, комсомолия наша рассыпана по станкам и факториям. За сезон-то я сосчитаю сколько беличьих хвостов сдал, путешествуя по тайге не хуже самого заправского охотника, которого ружье кормит.

Смолин смачно прихлебывал густой чай. Он растегнул ворот сатиновой косоворотки, локти его рук никак не уместались на столике. В маленькой каюте ему было тесно, жарко, непривычно.

Большой порог

Желтые воды Тунгуски несут уже целые островки пены. Река совсем сузилась. От устья нас отделяют триста километров. Близок Большой порог—конечная цель нашего плаванья.

Говоря точнее, плыли мы не к самому порогу, а к перевалочной базе, расположенной несколько ниже.

его. На эту базу караван прибыл в сумерки одного из длинных, ясных дней конца мая.

Под яром берега стояла флотилия остроносых досчатых илимок. Их было, вероятно, штук тридцать. На тридцати мачтах виднелись выцветшие флажки-флюгеры, ветром повернутые в одну сторону. Паутина нехитрого такелажа опутывала этот мачтовый лес. На крышах илимок лежали свернутые паруса, шесты, весла, веревки. Около двухсот грузчиков уже дождались здесь нашего прихода. Всюду мерцали огоньки костров, слышались песни, пиликанье гармошек.

На борт тотчас явились представители торговой конторы: молодой человек, не выпускающий изо рта трубки исполинских размеров, и страдающий одышкой толстяк, внешне очень напоминающий Ивана Никифоровича Довгочхуна, героя известной повести Гоголя.

— Кладовщика привезли?—сердито спросил толстяк.

— Что? Кладовщика?

—Ну да, кладовщика. Должен же кто-нибудь ваш груз принимать на наши склады.

Оказалось, что к приему товаров все готово—нет только кладовщика. Они, видите ли, искали, но никакой подходящей кандидатуры на эту весьма ответственную должность подобрать не могли (это в целом-то районе!). Вот и надеялись, что, может быть, в караване есть какой-нибудь кладовщик...

Наши гости с берега страдали неким недугом, который условно можно назвать импортоманией. Болезнь эта, к сожалению, еще имеет корни кое-где на севере. Она выражается в недоверии к способным, честным людям, живущим рядом с одержимым, в острой склонности к завозу, импорту работников изда-лека, „с магистрали“. Так-то оно хотя и дороговато, но зато спокойнее и бесхлопотнее.

Попробовали все-таки подыскать кладовщика. И

„Красноярский Рабочий“ около Большого порога на Подкаменной Тунгуске.

нашли местного, не привозного, из грузчиков. Он показал хорошую сметку и отлично справился с нетрудным делом приема товаров.

Меня заинтересовала работа двух илимщиков, сидевших у костра на корточках. Около них лежали куски бересты, веревки, палочки, оструганные на манер тех, которыми дети играют в „чижика“. Береста распаривалась над костром. Один из илимщиков сшивал из двух кусков подобие широкого берестяного пояса.

— Что это вы мастерите?

— Да вот, лямки готовим.

— Какие лямки?

— Известно какие. Бурлацкие.

...Неправда ли, даже само слово „лямка“ кажется нам сданным в архив. Здесь, на Подкаменной Тунгуске, тяга лямкой сохранилась до наших дней. Здесь, на Подкаменной Тунгуске, есть люди, считающие лямщину своей основной профессией.

Неприятно и стыдно писать об этом. Не уживаются рядом в представлении советского человека лямка и самолет. Но писать об этом надо хотя бы для того, чтобы помочь раз и навсегда закончить с этим пережитком старого.

Вот как обстояло дело. До большого порога грузы доставляются на пароходах. Здесь их перегружают на илимки. Пять-шесть лямщиков впрягаются в груженную десятью тоннами товаров илимку и начинают путешествие. Они идут не дни, а недели, иногда даже больше. Хорошо, если дует попутный ветер— тогда илимщики ставят паруса. Но река извилиста и попутный ветер через несколько километров пути может стать боковым и даже встречным. Бывали случаи, что рано нагрянувшая зима заставляла илимщиков в дороге. Грузы в этом случае бросаются на произвол судьбы. Нечего и говорить, что помимо всего прочего завоз грузов таким способом необыкновенно

дорог. Так, доставка тонны груза от Большого порога до Ванавары обходится примерно в 1600 рублей. Труд илимщика оплачивается чрезвычайно высоко. Илимщиков обеспечивают спецодеждой, отличным питанием. Проработав два месяца, илимщик может отдыхать полгода. Но как бы то ни было, даже при самых благоприятных условиях лямщина есть лямщина.

Где же корни, питающие лямщину на Подкаменной Тунгуске? Их надо искать в порочной системе транспортного хозяйства, применяемой на притоках. Конечно, крупным судам пробираться по мелководью верховьев чрезвычайно трудно. Даже средняя часть реки судоходна для них только в короткий период половодья. Зато катера с незначительной осадкой попадают здесь в родную стихию. Достаточное количество плоскодонных катеров мощностью, примерно, в 120 сил легко решит проблему ликвидации лямщины на Тунгуске. Берестянная лямка исчезнет из обихода и окажется там, где ей давно пора быть, — в витрине музея.

Есть и другой путь, решающий вопрос если не полностью, то, во всяком случае, на три четверти. Речь идет о сухопутной транспортировке товаров с ангарских пристаней, из Кежмы на Ванавару. Сейчас этот путь доступен для вьючных лошадей. При сравнительно небольших затратах, которые легко окупятся в ближайшее время, его можно превратить в тракт, по которому зимой тракторы смогут завести все основные грузы. Такой ориентации придерживаются многие местные работники.

Пока шла разгрузка каравана, было решено сделать разведку порога, глухое ворчание которого отчетливо слышалось за пять километров от него, на месте нашей стоянки. Для этой цели спустили с борта мощный моторный катер.

Сначала он шел довольно быстро, но чем ближе подвигались мы к порогу, тем медленнее уходили назад каменистые берега. Волны, катящиеся через огромные подводные камни, били в борт, дождем брызг обдавали катер.

— Попали под душ,—проворчал механик.

— Эх, соорудить бы на этом самом месте электростанцию,—стараясь перекричать шум реки, заметил помполит.—На всю Эвенкию хватило бы тока.

А течение становилось все свирепее. Наконец, наступил такой момент, когда катер остановился на месте. Напрасно мотор захлебывался на предельных оборотах. Катер дрожал, пена летела из-под винта, но продвинуться вперед нам не удалось ни на шаг. А подниматься около самого берега, где течение слабее, можно было только с опытным лоцманом, знающим, где суденышко подстерегает подводный камень. Скрепя сердце, решили возвращаться назад. Если бы мы попытались сделать поворот посреди реки, то волны тотчас захлестнули бы катер. Мы слегка повернули к берегу, покрытому крупными валунами, очень похожими на рассыпанную несвежую картошку, и, осторожно развернувшись, пулей понеслись обратно к каравану.

На корме теплохода толпились матросы, кочегары, рулевые. Их вниманием владел здоровенный пес, кем-то заманенный на судно. Ему тотчас присвоили кличку „Тамерлан“. Перед началом рейса почти вся команда побывала коллективно в театре, и смотрела там „Волки и овцы“ Островского. В честь бессловесного персонажа этой комедии и был назван наш четвероногий гость.

Тамерлан сидел, поджав пушистый хвост, и трусливо озирался. Причиной столь недостойного поведения пса оказался боров „Борька“. Борьку давно собирались зарезать, но откладывали эту операцию со

дня на день: хватало рыбы, что покупали на факториях. Боров разжирел и обнаглел необыкновенно. Будучи по натуре животных агрессивным, Борька с воинственным хрюканьем двинулся на Тамерлана. Случилось то, чего мы никак не ожидали. Жалобно взвизгнув, пес бросился к борту и, легко перемахнув через него, поплыл к берегу. Хохот и ядовитые замечания по поводу храбрости знаменитых тунгусских собак сопровождали это бесславное отступление. Выскочив на берег и основательно стряхнувшись, пес бросился к пожилому грузчику. С теплохода тотчас закричали:

— Эй, дядя! Сдрейфил твой песик. От борова сбежал без памяти! Такой собаке камень на шею, да в воду!

Хозяин пса не на шутку обиделся:

— Подождали бы глотку-то драть. С Борзым я на медведя хаживал. Давайте мне за него сейчас тысячу рублей—не продам. А что свиньи он струсил, так тут ничего смешного нет: собака таежная, отродясь свиней не видела, не знает, что это за живность такая.

Слова охотника произвели некоторое впечатление. Репутация Тамерлана (он же Борзой) была восстановлена. Но вторично заманить пса на теплоход оказалось все-таки безнадежным делом...

Работа на Большом пороге шла день и ночь. Наконец, последний мешок муки, предназначенной к разгрузке, оказался на берегу. Из Туруханска радио принесло утешительные вести: на Нижней Тунгуске—полный ледоход, большой подъем воды. Таким образом караван не только не опаздывал, но, выполнив полностью план, имел еще два-три дня в резерве, пока Нижняя Тунгуска не очистится окончательно ото льда. Мы тронулись в низовья Подкаменной, к выходу на Енисей.

К этому времени Подкаменная Тунгуска ожила по-настоящему. Гудки пароходов то и дело будили эхо в горах. Шел караван на Вельмо, золотую реку. Пароходы „Тобол“, „Енисей“, „Пушкин“, „Вейнбаум“, с трудом тащившие против течения тяжело нагруженные товарами и оборудованием для приисков тупоносые баржи и паузки, встретились нам уже недалеко от места впадения Вельмо в Тунгуску. Опасаясь неожиданного столкновения, капитан давал перед каждым поворотом реки два гудка, призывающих к осторожности встречные пароходы. Наконец мы повстречали двойника своего судна—теплоход „Клим Ворошилов“. „Близнецов“ строили на одном заводе. Их машины имеют одинаковую мощность и даже количество заклепок в их корпусах, вероятно, было совершенно одинаковым. Только синяя кайма на трубе и голубой вымпел, поднятый на нашей мачте,—признаки принадлежности судна к Главсевморпути—отличались от красной каймы и красно-желтого вымпела „Клима Ворошилова“, принадлежащего Енисейскому пароходству.

Очевидно шум и оживление на реке вывели из душевного равновесия даже самых флегматичных обитателей притунгусской тайги. После обеда ко мне в каюту бурей ворвался наметчик:

— Скорее, скорее... там... медведь!

Захватив „лейку“, я выскочил на палубу. Действительно, большой медведь стоял около воды и как бы наблюдал за движением судна. Кто-то выстрелил из мелкокалиберной винтовки. Зверь ухом не повел. Тогда капитан дернул ручку свистка. Услышав гудок, „Топтыгин“ опрометью бросился улепетывать, ломая сучья и ветки.

После того, как Мишки и след простыл, на мостике зашел разговор о медведях вообще. На притоках да и на самом Енисее можно довольно часто

встретить медведя, запросто переплывающего реку. Лощман рассказал историю о капитане одного небольшого буксирного парохода, страстном охотнике, который кружил вокруг плывущего через Енисей медведя до тех пор, пока не посадил судно на камень. Медведь так и уплыл, а капитану пришлось пережить впоследствии немало неприятностей...

Радист Костя, накопивший в памяти за время скитаний по всевозможным пароходам и рекам уйму всяких впечатлений и случаев, тотчас же рассказал о другом капитане, поступившем при подобной ситуации более остроумно. Дело было на Подкаменной Тунгуске, недалеко от фактории Кузьмовка. Преследуемый пароходом, „Топтыгин“ успел выплыть к обрывистому берегу, но никак не мог выкарабкаться на яр. Пароход подошел к перепуганному зверю очень близко. Но, к несчастью, ни у кого из команды не оказалось ружья. Что делать? Неожиданно капитана осенило. Он дернул ручки обоих гудков и одновременно пустил пар. Шум поднялся невообразимый. Впечатлительный медведь тут же сдох от страха.

Спуск по реке происходил куда быстрее, чем подъем. 28 мая теплоход вышел на устье Подкаменной Тунгуски. Все поздравляли друг друга с благополучным окончанием рейса. Через полчаса после нашего прихода послышался гул пропеллера. Сделав полукруг над судами, самолет пронесся мимо нас, оставляя позади вспененную воду, и причалил к поплавам авиапорта.

Из кабины вышел пилот Смыслов, самый рослый летчик Енисейской авиалинии. Он открывал летный сезон. Двумя-тремя днями позднее должна была начаться нормальная воздушная навигация. По мере того, как весна продвигалась на север, оживали берега Енисея, оживали его воды, оживал воздух над Енисеем.

У самого полярного круга

...Теплоход полным ходом мчится вниз по Енисею. Подкаменная Тунгуска осталась позади, караван брошен в Туруханске. На баке водолаз Бутенко проверяет насос и скафандр. Люди беспокойно бродят по палубе. Тревога чувствуется на их лицах. А всему причиной радиogramма, принесенная радистом в штурманскую рубку:

„В 4 часа 15 минут 28 мая моторный бот „Пурга“ получил пробоину, налетев на льдину ниже Туруханска, в районе острова Шаровского. Окажите помощь“.

Вот и все. Никаких подробностей. А пассажиры? А команда? А груз? Неизвестность порождала тревогу, заставляла спешить. День, когда мы шли на помощь „Пурге“, выдался холодный и ветреный. Временами шел снег. Вода, стекающая с палубы, замерзла иглистыми сосульками на бортах. Якоря обледенели. Ниже Игарки Енисей был еще скован льдом. На Диксоне в тот день бушевала снежная метель. В Красноярске ходили в белых платьях, загорали на солнце, черемуха на острове Отдыха уже давно отцвела. В Минусинске купались. Был конец мая в огромном Красноярском крае, где в один и тот же день можно замерзнуть, заблудившись около зимовки, и изнывать от жары, бродя по пыльным улицам Минусинска и Абакана.

Теплоход шел вперед. Снег валил не переставая. Остро чувствовалось, что северный полярный круг пересекает Енисей где-то тут, поблизости, на какую-нибудь сотню километров вниз по реке. Шли уже около часа. Наконец сквозь снежную мглу с мостика увидели наклонившуюся мачту с полуспущенным флагом-сигналом бедствия.

Мы—у острова Шаровского, плоского, как блин. Высоко задранный нос бота торчал среди кустов, а через погрузившуюся в воду корму крепкий ветер свободно гнал волны. На крыше рубки стояли четыре человека и махали нам руками. По берегу были разбросаны спасательные круги, мешки с крупой, чей-то старый портфель, весла, котелки и прочий хлам.

— Эй, на „Пурге“,—закричал вахтенный.—Люди все живы?

— Все в порядке,—ответил парень в высоких сапогах, сложив ладони рупором,—капитан на крыше!

Все в порядке! Сейчас эта обычная фраза звучала весьма иронически!

Пока на теплоходе, подошедшем к „Пурге“, шло совещание что предпринимать для спасения бота, я разговорился с потерпевшими. Вот как они описывали аварию. Бот шел вниз по реке. Дело было на рассвете. Возможно, у вахтенного слипались глаза и он не очень-то зорко глядел, что делается под носом судна... Пассажиры проснулись от внезапного толчка, выскочили на палубу. Вода через образовавшийся пролом быстро заливала трюм. Неподалеку плыла небольшая льдина—виновница происшествия. Капитан быстро прикинул, что левый берег ближе чем правый и, дав полный ход, направил туда „Пургу“. Через 10—15 минут после удара льдины бот ткнулся носом в спасительный берег. Из трюма поспешно выбрасывали все ценное. Не успели закончить выгрузку, как вся задняя часть судна осела в воду.

36 человек, в том числе 7 женщин, продрогшие и усталые, оказались под неласковым туруханским небом, на залитом водой берегу. Остров был необитаем в самом прямом смысле этого слова. Еще два дня тому назад на нем не было ни клочка сухой земли. Отступив, вода обнажила заболоченную, покрытую тиной и лужами почву. В довершение всех бед по-

шел снег. С пустынной реки тянуло холодом. Предстояла тяжелая ночевка на сырой земле. Но на счастье потерпевших, авария произошла недалеко от села Селиванихи. Местный рыбак заметил, что с ботом произошло неладное. Селивановские колхозники тотчас выехали на лодках к Шаровскому. Дул свежий ветер, по Енисею ходили крупные волны. Лодки заливало водой. Всех потерпевших, кроме вахты, колхозники перевезли в деревню, разместили в лучших домах, накормили. Когда благодарные пассажиры предложили колхозникам деньги, они наотрез отказались.

Это произошло на берегу громадной бушующей реки во время половодья, недалеко от Курейки, где в годы царизма отбывал ссылку товарищ Сталин.

И в память невольной пришли слова, сказанные товарищем Сталиным на выпуске академиков Красной Армии:

„Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый „остался там“. На мой вопрос: „как же так, остался?“ они с тем же равнодушием ответили: „чего-ж там еще спрашивать, утонул, стало-быть“. И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что „надо бы пойти кобылу напоить“. На мой упрек, что они скотину жалуют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: „Что-ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу“. Вот вам штрих, может быть малозначительный, но очень характерный.“

Водолазные работы по спасению бота „Пурга“.

Совещание кончилось. Началась ликвидация аварии. Прежде всего надо осмотреть пробоину и попытаться заделать ее. Бутенко натягивает прорезиненную рубашку поверх толстого шерстяного свитра, привинчивает скафандр.

— Водяному привет передавай!—кричит наметчик, озорной парень. Сквозь мутное стекло скафандра видно, как Бутенко кивает головой: „ладно, мол, передам“. Затем он лезет в ледяную воду. Снег валит гуще. Вечереет. Из воды доносятся глухие удары молотка: водолаз лечит рану в корпусе бота. Проходит час, другой... На исходе третьего часа Бутенко лезет на борт. С него стягивают костюм. Обжигаясь, он пьет горячий чай со спиртом. Сведенные холодом синие пальцы с трудом удерживают стакан. Зато пробоина заделана.

Но как откачивать воду из „Пурги“, если бот и река представляют собой свободно сообщающиеся сосуды, в которых вода, в строгом соответствии с законами физики, держится на одном уровне? Надо как-то выровнять и приподнять суденышко, чтобы борта его хоть немного возвышались над водой. Первая попытка оканчивается неудачей: бот торопится ко дну и только канаты удерживают его от этого гибельного шага. Вдыхая, водолаз одевается вновь. Он проникает в трюм бота и постепенно вытаскивает оттуда „затонувшее сокровище“—чуть не тонну всякого железного хлама. Облегченная „Пурга“ подчиняется, наконец, грубому насилию буксирной лебедки и всплывает на воду. Тотчас загудели „камероны“—мощные аварийные насосы.

Через два часа „Пурга“ стоит у нашего борта, как ни в чем не бывало. Только грязь да тина, облепившие судно, напоминают о неприятных минутах у остро-

ва Шаровского. С ботом возвращаемся в Туруханск, забирая попутно из Селиванихи пассажиров „Пурги“.

Среди них—совершенно декоративная группа, человек пять-шесть; не нужно спрашивать, что это за люди и куда они едут. Костюм выдает их с головой. Куртка из собачьего меха, такие же штаны. Высокие болотные сапоги-ботфорты. Полевые сумки, фотоаппараты и бинокли, ремни которых перекрещиваются на груди, придавая их владельцам несколько воинственный вид. В зубах—трубки, на которых не успел еще обгореть лак.

Ну, конечно, это какая-нибудь экспедиция! Никто из местных жителей, отправляясь даже в очень далекое путешествие, не надевает летом тяжелый и неуклюжий костюм, делающий из скромного работающего геолога что-то среднее между Робинзоном Крузе и манекеном мехового магазина.

Знакомимся. Мужчина с бледным тонким лицом городского жителя, обрамленным аккуратно подстриженной бородкой, оказался инженером-нефтяником, едущим на поиски нефти в район Усть-Енисейского порта, мужчина с небрежной русой бородой, не выпускающий изо рта монументальной трубки,—топографом, пробирающимся в низовья реки Пясины для съемки открытого там недавно каменноугольного бассейна. Инженер производит впечатление скромного кабинетного работника. Зато русобородый топограф—ярко выраженный тип изыскателя, который трех месяцев не может просидеть на месте. Начните разговор: „А вот, помню, на Камчатке“...—и он тотчас перебьет вас: „Как же, знаю, работал, я, батенька, и на Камчатке“. Он побывал и на Камчатке, и на Чукотке, и на Новой Земле, и в Якутии...

Вот и сейчас основной состав экспедиции, в которой работает наш топограф, находится в Красноярске, ожидает парохода. Но ему не сидится. Он поку-

пает шлюпку, привязывает ее к борту „Пурги“. Он собирается перетащить свою шлюпку волоком из Енисея в Пясинское озеро и, спустившись на ней через всю Пясику до Карского моря, таким образом попасть к месту работ. План почти фантастический, но наш топограф уверен в его полной осуществимости. Он заявляет, что 10 июля будет уже на мысе Входном и начнет работу. Я вспоминаю, как два года тому назад мы застали у Входного лед даже в конце августа и осторожно высказываю сомнение. Он приходит в ярость и тут же предлагает пари: 10 июля, ни днем позже, я должен получить от него радиogramму с мыса Входного. Записываем адреса, бьем по рукам.

Пока мы спорили, теплоход подошел к Туруханску. Топограф перегружает вещи на свою шлюпку и кричит на прощание:

— Ждите весточку с Входного, скептик.

Эту весточку с Входного я жду и по сей день. Очевидно, топографу не повезло и он застрял где-нибудь на перепутье. Слишком уж легкомысленно подходил он к вопросу о путешествии на Севере...

Тунгусская Сцилла и Харибда

Итак, мы начинаем подъем по Нижней Тунгуске, уходящей верховьями за три с половиной тысячи километров к многоводной Лене.

Караван идет вдоль высокого яра, поросшего ельником. Дома Туруханска становятся все меньше и меньше, пока, наконец, совсем не исчезают за пеленой снега. На правом берегу чуть видны строения старейшего туруханского зверопитомника черносеребристых лисиц.

— Ну, сейчас будет „Корчага“. Держите ухо востро,—предупреждает лоцман рулевых.

Так вот она, знаменитая тунгусская „Корчага“! Представьте себе гигантскую воронку воды, с шумом крошащую друг об друга заблудившиеся льдины. В „Корчагу“ попадает вырванная половодьем лиственница. Водоворот засасывает ее в пучину. Она выныривает на полкилометра ниже, очищенная от сучьев и коры бешеной силой воды. Горе неосторожному рыбаку, лодка которого попадет в „Корчагу“! Да что лодка, были случаи, когда „Корчага“ засасывала большие илимки, а выбрасывала щепки и трупы. „Корчага“ глухо ворчит, и в тихий день ее ворчание слышат даже в Туруханске.

Мы с опаской наблюдаем за страшным водоворотом. Теплоход вдруг резко повернул в сторону „Корчаги“. 1400 лошадиных сил, вращающих винты, с трудом преодолевают ее всасывающие потоки. Караван встал почти поперек реки. Буксир натянулся, как струна. Баржи рыскали из стороны в сторону до тех пор, пока „Корчага“ не осталась позади.

В нижнем течении Тунгуска пробивается меж гор, образуя многочисленные пороги и перекаты. Ширина ее здесь не превышает 400 метров. Угрюмая „черная тайга“—лиственница, ель, кое-где кедр—уступает место скалам—или совершенно голым, или расцвеченным бледно-зелеными пятнами оленьего мха. Суровость и мрачность пейзажа подчеркивала отвратительная холодная погода. Тяжелые рваные тучи неслись низко-низко, почти задевая за скалистые горные вершины, покрытые снегом. Такие вершины, лишённые растительности, здесь называют „гольцами“. Лоцман показал мне гору, прозванную „головой мудреца“. Действительно, гора очень напоминала большую голову, обрамленную кочьями седых волос.

Из рассказов лоцмана выяснилось, что на Нижней Тунгуске есть свой Большой порог. Впрочем „Большие пороги“ имеют даже очень маленькие реки на-

шего края. Почти все наши реки порожи́сты и, разумеется, какой-нибудь один порог всегда больше других. Это и есть „Большой порог“.

В греческих сказаниях есть миф о Сцилле и Харибде, двух чудовищах, обитавших по обоим берегам Мессинского пролива. Мореплаватель, благополучно избежав Сциллы, попадал в объятия Харибды. Могучие водовороты подхватывали его корабль и влекли на дно. Тунгусские Сцилла и Харибда—это Корчага и Большой порог. Правда, местные „чудовища“ страшны только для лодок да илимок, но и большим судам они доставляют немало неприятностей. Не дальше, чем в навигацию 1937 года в Большом пороге перевернулась и затонула баржа с углем.

Большой порог растянут в длину на полтора километра. Стесненная нависшими каменистыми берегами вода мчится здесь со скоростью 18 километров в час. Издали кажется, что в пороге река перегорожена сплошной каменной грядой. Хорошо виден первый камень, высунувший свою скользкую бурую вершину из воды. Его называют „Сторожем“. Рядом с ним — „Плита“, огромная, плоская; через „Плиту“ с шумом катится вода, то совсем закрывая ее, то всю обнажая.

Поднимать через порог весь наш „хвост“ нечего было и думать. Пришлось расчаливать караван и с большими предосторожностями таскать поочередно каждую баржу по отдельности. Но и с такой, в обычных условиях пустяковой, нагрузкой теплоход продвигался вперед не быстрее черепахи. Были моменты, когда течение начинало тащить его назад, несмотря на увеличенные обороты винта...

Перетаскивание каравана шло круглые сутки. Темноты в этих широтах весной почти не бывает.

Белые ночи на Нижней Тунгуске имеют свою непередаваемую прелесть. Мне никогда не забыть картины, виденной в ночь на 4 июня недалеко от Боль-

шого порога. Случайно выглянув из иллюминатора, я невольно протер глаза: передо мной расстился самый настоящий зимний пейзаж. Неожиданно выпавший снег ослепительным белым цветом выбелил камни, снежной пылью припудрилась тайга; и только темная, неумолчная река разрушала впечатление раннего „январского“ утра.

Фактории на Нижней Тунгуске редки. Можно плыть двое суток и не встретить признаков человеческого жилья. Лишь заброшенные охотничьи избушки, потемневшие от времени и непогоды, стоят у горных потоков, впадающих в реку. Однажды на пустынном берегу мы заметили два шеста, на которых развевались выцветшие красные флаги. Оказалось, что это кладбище. Год тому назад на караване, идущем в Туру, умерли двое; вода в те дни быстро падала, дорог был каждый час. Над могилами установили шесты с флагами.

Пустынно и уныло на реке. Но придет скоро конец и пустоте и унынию. Нижнюю Тунгуску можно смело назвать богатой рекой. Ее сокровища просто сказочны. Запасы полезных ископаемых, скрытых в недрах ее берегов, достигают астрономических цифр. А ведь разведана еще только их ничтожная часть!

Каменный уголь встречается на Нижней Тунгуске всюду.

На реке обнаружены признаки нефтепроявлений. Во многих местах найден графит.

На берегах реки Будонихи есть свинец и цинк.

А лес, а пушнина, а рыба? Кто подсчитывал их запасы?

Заставить тунгусские сокровища служить советскому человеку—какая это благодарная цель, но вместе с тем и трудная задача. В условиях короткого лета, за тысячи километров от железной дороги не легко жить и работать, не легко прокладывать штольни

через слой вечной мерзлоты, не легко долбить непокорную землю. Здесь нужен и размах и смелость. Ведь еще известный натуралист Мессершмидт знал о том, что Нижняя Тунгуска богата углем, а инициативный сибирский предприниматель М. Сидоров в 60-х годах прошлого столетия организовал разведку угля и графита по берегам этой реки. Но до сих пор эксплуатация тунгусских богатств находится в зачаточном состоянии. Развернувшаяся в первой пятилетке разработка тунгусского угля и графита ныне временно почти приостановлена; работы были начаты без предварительной детальной разведки и в таких местах, где затраченный труд не способен окупить себя. Примером малоудачных разработок может служить Ногинский рудник, заложенный без учета возможностей рентабельной эксплуатации.

Мы подходили к Ногинску ранним утром. После холодных дней и надоевшего июньского снега выглянуло солнце. Сразу стало теплее, радостнее на душе. Ожил суровый пейзаж. Краски стали ярче и привлекательнее. И сам Ногинский рудник издали казался очень красивым и нарядным. По горе, надвое разрезанной долиной ручья, в беспорядке разбросались домики — около сорока различных строений. Горы матово-черного камня лежали у самой воды. Это был чистый ногинский графит. Десятки, сотни тысяч пудов графита!

Природа наградила этот клочок земли щедро, расточительно. Пласты графита выходят к самой воде. Не надо проходить штольни, рыть шахты. Нужно просто отламывать куски берега и грузить их на баржи. Тут же валяются куски шиферного сланца, отполированные водой, как оселки для точки бритв. Только уголь запрятан здесь дальше; все остальное — на поверхности, под руками.

— Пошли, ребята, шахты посмотреть, — предлагает

масленник Молчанов, шустрый и любознательный комсомолец, которому никогда не сидится на месте.

Быстро собирается компания. Мы идем через поселок, поднимаемся в гору. Начатая было песня смолкает—итти тяжело, приходится все время прыгать с кочки на кочку. На вершине горы—камни, мох, снег. Просека, вырубленная по склону, успела покрыться молодой порослью. Остро пахнет лекарственным запахом богульника. Между пней журчит вода. Где-то за логом монотонно кукует залетная гостья—кукушка.

Версты две мы уже прошли, а шахты все не видно. Становится жарко. С облегчением вздыхаем, когда из-за лиственниц показывается какое-то строение. Это—кузница, а шахта рядом. Черной насыпью выделяется отвал угля, выданный на-гора, да так и не вывезенный из этих мест. Черные дыры штолен затянуты завесой льда. Замолкла кузница, не слышать веселого перезвона молотков. Стоят ряды вагонеток, дожидаются, когда вновь заснут они по путям штолен, выбрасывая на-гора тонны угля.

Добыча угля здесь приостановлена: эксплуатация месторождения пока признана экономически невыгодной. Добывать уголь в Ногинске не трудно, но вывезти—дорого. Когда-нибудь, может быть скоро, дойдет и до него очередь. Опять оживет шахта, забегают вагонетки, зазвенит песня, засветятся огоньками окна рабочего поселка.

Скорей с горы, вниз, к каравану! Там уже кипит работа. Грузчики закончили наводку мостков. С грохотом катают они тачки по гибким доскам. Графитная пыль делает серыми их потные лица. Скорей, скорей... Уже триста тачек опрокинуты в трюм, а гора графита на берегу не тает. Разве можно ста-

каном вычерпать океан? Земля не скупится на дары. Скорей, скорей... Жадно раскрыты пасти трюмов. Графит нужен стране.

Река сказочных богатств

Фактория Кочумдек. Триста километров от устья. Здесь река вымостила булыжником берег гораздо глаже и ровнее, чем это делают некоторые нерадивые каменщики. Радуют глаз новые, чистые домики. Всюду алеют предвыборные плакаты, везде портреты Ленина и Сталина, украшенные зеленью.

Около лавки—несколько оленей. Верхом на них из тайги приехали за товаром эвенки. Они идут к нам на теплоход. Осматривают все степенно, без особого удивления: пароходы они уже видели, самолеты—тоже. Вот посмотреть бы ту штуку, что на двух колесах, а бежит как ветер—мотоцикл что ли, вот это да! На теплоходе нет этого самого мотоцикла? Нет? Жаль, очень жаль!

Если наших гостей не удивили сверкающие дизели, более мощные, чем три тысячи оленей вместе взятых, то в этом ничего особенного не было. Гораздо удивительнее было видеть наших механиков, остановившихся в недоумении около странного деревянного колеса, с какими-то лопаточками, веревочными приводами, рукоятками и рычажками. Колесо это, чем-то напоминающее неудачную модель „Перпетум Мобиле“—вечного двигателя, стояло перед небольшим домиком. Пытаясь разгадать тайну странного колеса, наш неугомонный Молчанов начал было крутить его. Колесо закрипело и из домика тотчас вышел встревоженный старик с расчесанными надвое пушистыми седыми бакенбардами. Такие бакенбарды носили раньше губернаторы.

—Что балуетесь? — сердито закричал обладатель бакенбардов, — испортите мне всю музыку!

— А что это за музыка? — спросил Молчанов. — Вот ломаем голову, никак не можем придумать, для чего она? Чем кричать, рассказал бы лучше.

Старик сразу подобрел.

— Рассказать? Изволь...

И он рассказал свою историю и историю „машин“. Был он рыбаком, перебравшимся с Волги на Нижнюю Тунгуску. Хитроумное колесо отнюдь не предназначалось для решения проблемы вечного двигателя. Нет, назначение его было куда проще. Дедушка Василий смастерил его для изготовления рыболовных снастей, переметов и неводов, которых „расторопные“ деляги из торгующих организаций упорно „забывали“ завезти на Тунгуску.

Старик ругал снабженцев. Он показывал крючки, сотни крючков, изготовленных им из проволоки при помощи напильника. Это была тяжелая и неблагодарная работа. Но крючки на Тунгуску тоже не завозились...

Потом дедушка Василий заговорил о рыбных богатствах реки. Тут он сразу оживился, даже руками замахал.

— Поглядите-ка вокруг себя! Вот где золото, неисчислимое богатство! Гребни его хоть лопатой. Рыба табунами ходит и, заметьте, в несметном количестве. Да какая рыба! Обьединение, первый сорт. Тут неподалеку озера есть — штук около сорока. А в озерах что? Опять же рыба! Мне бы вот уже на покой пора, какой я работник, а прошлую осень за 20 дней одной только стерлядки жирнушей 800 килограммов добыл. Если теперь это дело по-настоящему организовать, артельно, — сколько рыбы добыть можно? Я уже говорил на этот счет разным проезжающим начальникам, да толку пока что не видно. Не нападу все на азарт-

Туруханские рыбаки.

ного человека, который бы за дело болел душой...

Действительно, Нижняя Тунгуска еще ждет своего „азартного начальника“. И он идет сюда за ее богатствами. Он шлет партии геологов, чтоб рылись в недрах, партии топографов, чтоб снимали берега, партии строителей, чтоб закладывали горняцкие поселки и обогатительные фабрики. Может быть это будет не сегодня и даже не завтра. Велика советская земля и неисчерпаемые богатства хранит она. Но дойдет очередь и до Нижней Тунгуски. Будут еще все ее богатства с честью и славой служить советскому народу.

Просматривая комплект газеты...

У меня сохранился комплект нашей судовой газеты „Большевик Арктики“. Он занимает совсем немного места—не больше, чем три журнала „Огонек“, сложенные вместе.

Формат „Большевика Арктики“—обыкновенный лист для пишущей машинки. Но, несмотря на свой маленький размер это была настоящая печатная газета, с передовицами, международным обозрением, клише, карикатурами. Она выходила раз в три дня, а когда этого требовала обстановка, то и чаще. Несколько дней подряд она была даже ежедневной газетой...

Ежедневная печатная газета на судне, на караване! Стоит вдуматься в смысл этих простых слов, за которыми видна настоящая большая забота о человеке. Стоит представить себе где и как выходит такая газета, чтобы оценить ее важность и значимость.

...Уходит весной на север караван. Он плывет месяц, два, а может и больше. Пересечен уже полярный круг. Далеко позади остались города, где во вре-

мя стоянки в киоске легко можно купить свежий номер газеты. Незаметно, постепенно люди теряют нить событий, волнующих сейчас мир. Начинается тоска по газетному листу, такому привычному и необходимому... Правда, почти на каждом пароходе есть радио. Собравшись в кубрике или за обеденным столом, можно иногда послушать кусочек какой-либо беседы или выпуска последних известий. Но бывает и так: на самом интересном месте радист вдруг прерывает передачу. Тут не помогают самые бурные протесты слушателей. Ему надо держать связь с другими судами, с диспетчерской, с ближайшим портом. В эфире все подчинено расписанию. Нечего делать, приходится терпеливо ждать пока он кончит свои переговоры. Наконец, в репродукторе вновь возникает звук. Но.. увы! Интересная беседа давно кончилась.

Так бывает на пароходе. А вот на баржах и паузках, на караване до сих пор нет радио. Книжки скудной библиотеки зачитаны до дыр, случайно попавший номер газеты месячной давности—тоже. В шашки играть надоело, к балалайке нет запасных струн. И бродит скука по барже, рождая сплетни, мелкие склоки и дразги.

Вот и подумайте теперь, сколько пользы и радости приносил нам каждый номер караванной многотиражки! С каким нетерпением его ожидали! Как сердились, когда газета запаздывала!

Типография „Большевика Арктики“ помещалась в подводной части трюма теплохода, рядом с кладовой и канатным отсеком. Крутая, почти отвесная железная лестница вела в нее. В крохотной каютке, отгороженной фанерными переборками, стояли кассы со шрифтом и печатная машина. Сюда не проникал дневной свет. Откуда-то издали доносился стук дизелей. Зато звук воды, струящейся вдоль бортов,

не прекращался ни днем, ни ночью. Температура в „типографии“ никогда не поднималась выше 7—8 градусов, а иногда падала до нуля. В жаркий летний день перед спуском в трюм дядя Гриша, наш наборщик, надевал валенки и ватную кацавейку.

Набирали газету чаще всего ночью, чтобы не расходовать зря электроэнергию. Помполит Лукашев, он же редактор газеты, под утро подписывал полосы к печати. А к завтраку газета была уже во всех каютах, в рубке, в машинном отделении. Моторный катер развозил ее по каравану, не приостанавливающему своего движения.

— Эй, вахта!—зычно кричал рулевой, лихо подворачивая катер к какой-нибудь из барж, идущих на буксире теплохода,—принимай свежие новости!

Пачка газет, аккуратно свернутых в трубочку, перевязанную ниткой, описав дугу, падала к ногам вахтенного.

— Спасибо! Привози еще!

Писали в газету матросы, рулевые, наметчики, кочегары, масленщики, пассажиры. Между читателем и писателем здесь стерлись все грани...

За три года своего существования газета выходила и на Подкаменной Тунгуске, и в Енисейском заливе, и на Диксоне, и на Нижней Тунгуске, и в Карском море, и на мысе Входном, и на реке Пясине—выходила на разных широтах, выходила там, куда навигационный план забрасывал теплоход.

Пока мы плавали по рекам Эвенкии, три темы не сходили со страниц многотиражки. К ним „Большевик Арктики“ возвращался вновь и вновь. Эти темы: подготовка к выборам Верховного Совета РСФСР, предвыборное социалистическое соревнование, учеба.

Мы не были оторваны в то время от общего предвыборного подъема, охватившего страну. Наш караван представлял собой плывущий избирательный уча-

сток. Он имел свой номер—107—и значился в списке участков Красноярского избирательного округа,— по месту приписки судна. У нас работала своя избирательная комиссия. На всех судах каравана занимались агитаторы. Всюду—на стенах кают, в кубриках, в каюткомпании виднелись предвыборные плакаты и лозунги. Деятельно работали кружки по изучению „Положения о выборах“ и Конституции РСФСР.

Наш караван соревновался с караваном парохода „Молотов“. То и дело на газетных полосах печатались заметки о проверке выполнения договоров соревнования, об успехах стахановцев. Предвыборное соревнование захватило всех. Масленщики соревновались с наметчиками, палубная команда—с машинной, команды барж—друг с другом.

Наш караван был еще плавучей школой. На судах советского флота стало традицией—обмениваться знаниями. Мало ли каких людей сталкивает судьба на судне! Едут на север геологи, политработники, врачи, едут люди с солидным умственным багажом, с большим жизненным опытом. Им есть о чем рассказать не только молодым ребятам, плавающим первый год, но и „речным волкам“, для которых Енисей знаком как пять пальцев. Бывало и так: днем помполит проводит занятие на тему: „Почему было отменено крепостное право в России“. Среди его слушателей сидит боцман и внимательно записывает что-то в тетрадку. Вечером боцман занимается по минимуму с командой. Среди его слушателей можно увидеть помполита, в третий раз безуспешно пытающегося завязать настоящий морской узел...

Боцман смотрит на его неудачные попытки и говорит покровительственно:

— Э, так, с налету, ничего не выйдет. Узлы вязать надо с понятием. Тут все от искусства рук зависит. Без сноровки никакого узла не завяжешь.

И нередко можно было увидеть в многотиражке такое объявление:

СЕГОДНЯ

в 6 часов вечера в нижнем салоне
будет проведено практическое заня-
тие на тему:

„КАК ПИСАТЬ ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ“

(расписки, счета, заявления, доверен-
ности и т. д.).

ЗАВТРА

в это же время, состоится занятие
на тему: „Как будут происходить вы-
боры в Верховный Совет РСФСР“.

Большое дело—газета в плавании! Маленький листок, пахнувший керосином и краской, нередко служил нам окном, через которое глазами читателя мы могли взглянуть на мир. Мы читали о последних событиях в Китае, находясь за тысячу километров от ближайшего газетного киоска. Вспоминаю такой случай: в 1936 году, когда теплоход стоял на рейде Диксона, рация приняла передовую „Правды“, посвященную процессу над троцкистско-зиновьевской бандой. В караванной многотиражке она появилась вечером того самого дня, когда была опубликована в „Правде“. А номер „Правды“ с этой передовой мы получили четверть года спустя...

Поход в Туру

...Итак, мы добрались до Кочумдека. Дальше этой фактории теплоходы вверх не ходили. Считалось доказанным, что река порожиста, капризна, своенравна, опасна для судоходства. Да и вообще мало ли что может случиться! Поэтому из диспетчерской был получен приказ: если грузы доставлены в Кочумдек, быстрее возвращайтесь обратно на Енисей.

Телеграфный бланк с приказом диспетчерской нам пришелся совсем не по душе. Возвращаться... По правде говоря, никому не хотелось возвращаться. Вода не убывала. Река мирно несла ее с верховьев, от синевящих на горизонте хребтов, оттуда, где находилась Тура. А раз вода играла с нами на одну руку, то почему бы не воспользоваться ее милостью?

Поход до Туры представлялся заманчивым, не только как попытка освоения нового участка реки; нет, его значение было гораздо шире и важнее. Расчеты были просты. Если мы выгрузим товары в Кочумдеке, их будут перегружать на мелкие суда и таскать вверх по реке маленькими порциями. Перевозки растянутся до глубокой осени и обойдутся очень дорого. Другое дело, если нам удастся привести караван в Туру. Никаких перегрузок! Никакого завоза грузчиков! Никакой задержки в доставке товаров! Никакой... Да мало ли прочих выгод и преимуществ сулил сквозной рейс до Туры.

Настроение у всех было необыкновенно приподнятое. Приближался день выборов в Верховный Совет нашей Республики. Радио приносило вести о делах стахановцев, идущих навстречу дню выборов с замечательными показателями, с новыми рекордами радостного труда. И вот постепенно родилась и созрела в команде мысль: во что бы то ни стало пройти

в Туру, пройти быстро, без единой задержки и заминки, сделать этот рейс стахановским рейсом имени выборов Верховного Совета РСФСР. Как-то сам собой возник летучий митинг. Идею похода в Туру одобрили все единодушно. Лоцман брался провести караван. Но... тут возникло неожиданное и очень существенное препятствие.

— А нефти у нас хватит?—спросил кто-то.

Вопрос был подобен ушату ледяной воды, опрокинутому на горячие головы. Действительно, как мы об этом не подумали! Ведь топливо было запасено из расчета, что рейс не затянется. Все выжидательно посмотрели на механика.

— Нефти почти что нет,—сказал механик и обвел взглядом сразу вытянувшиеся лица,—но если хорошенько пошарить, то кое-что можно наскрести. Я, конечно, не ручаюсь за точность цифры, но тонн 20 у нас, кажется, есть.

Все повеселели. Раз механик говорит, что есть 20 тонн нефти, значит на 30 тонн можно смело рассчитывать. Наш механик принадлежал к числу запасливых людей, склонных к преуменьшению возможностей и преувеличению трудностей.

Быстро произвели подсчеты. Итоги получились не очень-то утешительные. Если запасливый механик даже и наскребет 30 тонн, их хватит еле-еле.

— Давайте будем обходиться пока без освещения. Пускай вместо динамо луна поработает, благо ночей почти нет,—предложил наметчик Соловьев.—И насколько я понимаю, на этом деле сэкономим самое малое тонну, а то и больше.

— Правильно. В темноте, да не в обиде!

Выступил радист Костя. Он был главным виновником частого запуска дополнительного мотора, а следовательно и солидным потребителем нефти.

— Я не буду много распространяться. Конечно,

радиосвязь нам очень нужна. Но если очень нужно ее сократить, то это можно сделать. Я кончил, товарищи.

На следующий день мы выступили в рейс.

Странное дело! Чем выше поднимался караван вверх, тем спокойнее становилась Нижняя Тунгуска, тем приветливее выглядели ее берега. Куда-то исчезли коварные пороги, опечки, косы и прочие „накладные расходы“ на путешествие по таежной реке. Казалось просто невероятным, чтобы пароходы, пробравшиеся до Кочумдека с великими трудностями через очень беспокойное и неудобное плесо, поворачивали от этой фактории обратно вместо того, чтобы уверенно продолжать путь. Я поделился этими соображениями с лоцманом. Он рассмеялся.

— Э, ларчик тут просто открывается. Ты не забывай, что мы идем по очень большой воде. Сейчас, в аккурат, самое половодье. А вот попробуй-ка здесь пройти с нашей посудинкой глубокой осенью—хлебнешь горя через край. Тут тебе река сразу покажет зубы. А они у нее острые: чуть зазевался, и борт распорот. А о затонах да доках для ремонта в этих местах я что-то не слыхивал...

За первые сутки похода мы прошли полтораста километров. Как будто и к югу мы движемся совсем понемногу, а пейзаж меняется с каждым часом. Солнце светит необыкновенно ярко, как будто торопясь щедро расплатиться с землей, истосковавшейся по теплу за долгую зиму и позднюю весну. С гор бегут уже не ручьи, а целые потоки. Все чаще попадаются полянки, радующие глаз хорошей, совсем южной зеленью. Некоторые ребята из команды, неумеренно обрадовавшиеся солнцу, ходят с докрасна сожженными шеями. На собственной коже они познали, что солнце, воздух и вода—наши лучшие друзья лишь в том случае, если мы ими не злоупотребляем.

Меж тем на теплоходе началась генеральная чистка

и уборка. Вахтенные надраивают медные части до такой степени, что они как бы сами начинают излучать свет и блеск. Палуба тщательно вымыта и проолифена. Боцман наладил себе „люльку“ и, беспечно расклевываясь над водой, очищает корпус судна от пыли, грязи, накипи и других нежелательных напластований, образовавшихся за плавание. Запах олифы и скипидара носится всюду. Закроешь глаза—и кажется, что находимся в доме, где только что закончен ремонт и на полах еще густеет тонкий слой охры.

— Наддай, наддай ребята жару,—орет боцман своим помощникам.—Отрегулируем нашего красавца так, чтобы в Туре ахнули—вот, мол, судно пришло, видать только сработано. Не жалей воды и швабры! Посуда чистоту любит!

Соловьев, закусив кончик языка и смешно оттопырив веснушчатые щеки, выводит на куске кумача:

„Братский привет трудящимся Туры от команды теплохода „Красноярский рабочий“.

Буквы выходят немного неуклюжими, но в общем получается здорово.

...А берега бегут назад. Пять сотен километров, что отделяют Кочумдек от Туры, тают с каждым часом. Но одновременно тает и нефть.

Мы идем сравнительно быстро; но весть о нашем рейсе распространяется по эвенкийской земле еще быстрее. Посмотреть на большой караван, никогда не виданный в этих местах, выходят из лесу охотники. Вот на берегу появляется целый „кавалерийский отряд“—шесть эвенков верхом на оленях—„учугом“. Они машут нам руками, что-то кричат, потом пускаются вслед за караваном по берегу. Сначала они едут наравне с нами. В зелени мелькают их фигуры. Но на беду всадникам плесо попадает тихое, а берег, как на зло, неровный, изрытый ручьями и оврагами, и через полчаса их „рогатые кони“ остаются позади. Спешит-

вшись, эвенки выходят к самой воде и еще долго смотрят нам вслед.

На какую-то факторию—не помню точно, была ли эта фактория Виви или фактория Учами—мы ездили на катере. Катер у нас находился под бортом всегда—на всякий случай.

Деревянное здание фактории украшал большой плакат: „Сталин, наш первый депутат Верховного Совета РСФСР!“

Два охотника-эвенка, только что приплывшие с другого берега в лавку за табаком, рассказывали, как сегодня утром они „добыли“ медведя. Один из охотников сидел на гладко обструганом пеньке. Окончив рассказ, он встал и пошел к своей ветке. Пенек, на котором он сидел, оказался не просто пеньком. Черной краской на нем было написано:

ГУСМП
Всесоюзный Арктический
Институт
Астро-Радио-Пункт
1937 год

Охотники со старинными ружьями, медведи, нехоженные тропы и,—предвыборный плакат, фактория, астрономический пункт! Пока я размышлял об этих контрастах, а мои спутники разговаривали с охотниками, моторист завел мотор. Караван уже ушел вперед километра на два.

— Заезжайте на обратном пути,—приглашает заведующий факторией.—Уху такую приготавлию—закачаетесь!

— Непременно заедем!—кричит рулевой. И добавляет вполголоса:—Вот если бы ты нам нефти приготовил! Много не надо, боченочков десять—пятнадцать... А то уха! Нашел, чем удивить.

Страничка истории

— Ну вот и Таймура,—сказал лоцман, показывая рукой на реку, впадающую в Тунгуску.—Любопытная, доложу вам, речка.

— А что в ней любопытного?

— Древности всякой много. Здесь, на Таймуре, мамонт найден. А недалеко от устья, на правом берегу, есть избушка. Стоит себе у подножья скалы, потолок провалился, стены почернели.

— Ну, и что же?

— А вот то же... Бывал я в этой избушке. Посреди торчат развалины печи. А сквозь печь уже лиственница проросла, поперек сантиметров тридцать. Вот и подсчитайте теперь, сколько лет стоит избушка. Рассказывают, что ее еще те казаки строили, что в Сибирь с Ермаком пришли.

По правде сказать, я не поверил тогда старому лоцману. Древность избушки мне показалась слишком преувеличенной. Но позднее, вернувшись из рейса, я на всякий случай решил порыться в архивах и наткнулся на любопытные данные.

...Было это в начале XVII века, когда на севере существовала Мангазея. Не дожили до наших дней даже ее руины. Почти забылось и само название. Но когда-то это был большой город—по тем временам, разумеется: четыре улицы, гостинный двор, питейные заведения и несколько церквей. Дома строились солидные, прочные, в два, а то и три этажа. Бревенчатый двухрядный частокол защищал Мангазею от набегов кочевников.

Сидели в Мангазее воеводы—мздоимцы, с помощью казаков и служилых людей собиравшие с туземцев обильную дань—ясак. Чтобы не вздумали туземцы уклоняться от платежей, брали заложников—амана-

тов. Отправляли московскому царю тюки „мягкой рухляди“—драгоценной пушнины. Пушнина притягивала в Мангазею, как магнит, и заморских купцов: плавали сюда через студеное море немцы и голландцы. Алчность и жажда наживы пересиливали в них страх перед трудным путешествием.

Своеобразная жизнь ключом кипела на далеком форпосте московского государства. „Приходили в Мангазею морем многие кочи с хлебными запасами и русскими товарами, в год кочей 50 и больше и по Енисею, государь, и по Турхуну и по иным сторонам реки и промыслили многие промышленные люди и промыслы, государь, были большие... А торговых, государь, и промышленных людей зимовало в Мангазее человек по 1000 и больше, и в лавках, государь, сидели со всякими товарами зимой и летом без съезду, и весной, государь, на волоку всяким людям торг был большой.“

Так описывал жизнь Мангазеи ее современник, таможенный голова Саблин.

Сфера влияния Мангазеи была очень велика. Она распространялась, в частности, на Нижнюю и Подкаменную Тунгуски. И вот, из летописей известно, что в 1626 году на Нижнюю Тунгуску двинулись около двухсот промышленников в сопровождении 22 казаков. Привлекала ли их жажда наживы, искали ли они новых нехоженных мест и необъясченных туземцев—сказать трудно. Не сообщает летописец и об исходе этой смелой экспедиции. Но совершенно очевидно, что казаки и их спутники могли проникнуть в верховья реки и обосноваться здесь в местах, богатых пушниной. Ведь история русских завоеваний знает походы куда более смелые, трудные и дальние, чем путешествие в глубь страны эвенков.

Старый лоцман, конечно, ошибался, предполагая, что изба, которую он видел на Таймуре, была пост-

роена казаками из вольницы Ермака. Но не исключена возможность, что он напал на зимовье, построенное людьми, ушедшими из Мангазеи в 1626 году. За триста с лишним лет сквозь развалины печи могло прорасти и вытянуться к небу стройное дерево. А лиственница, из которой построена избушка на Таймуре, способна стоять не одну сотню лет. Недаром называют ее вечным деревом...

Встреча

Глубокая ночь. Но на теплоходе никто не спит. Да и можно ли спать, когда до Туры—три десятка километров. Идем без огней. В трюме, при свете коптилок, печатается номер многотиражки, посвященный благополучному завершению рейса. А в том, что он завершится благополучно, ни у кого не осталось и тени сомнения. На баке собралась вся команда, свободная от вахты. Пели „Родину“, украинские песни, потом частушки. Настроение у всех было приподнятое, пелось легко, свободно, от души.

На заре подняли новые выпела—алый, цвета страны, и голубой, Главсевморпути—взамен выцветших и задымленных. С мачты на мачту, с мачт к бортам затрепетали гирлянды ярких сигнальных флагов, тех самых, что украшают судно в дни первомая. Мы ходим по палубе и сами удивляемся—неужели это наш теплоход такой красивый, чистый и нарядный?

А команда! За ночь начисто истреблены все запасы ваксы, которыми располагали наши щеголи. Из походных сундучков вытащены разглаженные брюки, синие кители, рубашки с галстуками. Промасленная роба запрятана под койки. Все гладко выбриты. Благоухание цветочного одеколona успешно конкурирует с запахом весеннего утра, приносимым легким ветерком с берега.

До восхода солнца остался, по крайней мере, час. До Туры осталось, по крайней мере, километров пятнадцать.

— Катер впереди!

Это кричат наши „дозорные“ со штурмового мостика.

В самом деле, издали слышится характерное та-рахтение мотора. Проходит пять минут, и из-за поворота прямо на нас вылетает моторная лодка. Люди, сидящие в ней, еще издали машут руками. Лодка делает разворот и, рискуя опрокинуться, подваливает к борту теплохода. По шаткой стремянке к нам карабкаются первые гости из Туры: председатель окрисполкома, начальник отдела НКВД, редактор эвенкийской газеты и другие местные работники...

Крепкие рукопожатия, восклицания, расспросы:

— Ну, товарищи, спасибо вам!

— Не стоит. Дело нетрудное. Не нам спасибо говорите, а воде за то, что не подвела. Скажите, лучше, нефть у вас есть?

— Найдем немножко. Чтоб в Туре да чего-нибудь не было. А пока,—весело подмигивает начальник авиабазы,—принимайте дары. Раньше встречали гостей хлебом-солью, а у нас завелся свой обычай.

В руках у него влажный мешок. В мешке что-то шевелится. Наш гость ловким жестом встряхивает свою ношу—и на палубе начинают биться крупные рыбыны.

Туринцы гурьбой идут осматривать теплоход. Он им нравится. И действительно, сейчас, когда из-за гор вырвались первые лучи солнца, судно выглядит необыкновенно красиво. Яркие разноцветные флаги чуть колышутся в воздухе. Солнце играет на поручнях, на иллюминаторах. Теплоход идет, властно рассекая воду, тяжелый, сильный, большой. За ним послушно движется караван, тоже принарядившийся, тоже расцвеченный флагами.

— А в машину спуститься можно?

Можно и в машину. Тут чистота—свято соблюдаемый закон. Но сегодня стахановская вахта механика Пантелеева превзошла самое себя. Чистота могла бы, кажется, удовлетворить самого придирчивого хирурга, для которого пыль и грязь—самые страшные враги. Гудела нефть в топке вспомогательного котла, с неуловимой для глаза скоростью вращались два огромных гребных вала, поворачиваемые 1400 лошадиными силами.

Когда после осмотра машины поднялись в салон, где аппетитно пахло жареной рыбой, часы показывали уже 5 часов утра.

— Через 40 минут будет Тура,—сказал редактор, выглядывая в иллюминатор,—налегайте на рыбу и айда на палубу.

В каютах не осталось ни одного человека. Толпятся на баке, на штормовом мостике, а неугомонный Олег Молчанов вскарабкался даже на мачту: он непременно хочет увидеть Туру раньше всех.

Но увидели ее мы все сразу. Она вынырнула из-за высокого мыса, поросшего чахлой лиственницей.

Представьте себе пологий склон, зеленеющий весенней порослью. Представьте далее несколько десятков домиков, разбросанных по склону, не успевших еще почернеть под влиянием солнца, ветра и непогоды. Впрочем, кое-где виднелись уже не домики, а настоящие двухэтажные дома. Еще были видны радиомачты, и участок вспаханной земли, и деревянная каланча, и серебристый самолет, привязанный под берегом к якорю. Не знаю, как выглядит Тура в дождливую погоду, когда свинцовые рваные тучи несутся низко над землей, но в это чудесное утро она была необыкновенно привлекательной, какой-то солнечной, светлой, нарядной...

На берегу не замечалось почти никакого движения:

ведь еще не было и шести часов утра. Но вот по улице пробежал человек. За ним другой, третий...

—С благополучным окончанием рейса! Ура!—крикнул Олег и подбросил кверху фуражку.

И тотчас запел гудок теплохода. Мощный его голос неся над рекой, над поселком, над караваном, будя эхо и туринцев. Гудок пел долго и торжественно, облачко белого пара таяло над трубой.

Поселок ожил. Бежали по улицам люди, кое-где мелькали флаги. Когда караван подтянулся к берегу, там собралось, вероятно, все наличное население Туры. Празднично одетые люди возбужденно махали платками. На большом полотнище красовалась надпись, радующая наши сердца:

„Привет стахановцам „Красноярского рабочего“!

Тому, кто читает сейчас эти строки, может показаться, что автор, описывая радостную встречу, несколько утратил чувство меры. Но, представьте себе, что вы живете в Туре, откуда до ближайшей железнодорожной станции ни много, ни мало, как 2300 верст. Зима на севере отличается не только суровостью, но и непомерной продолжительностью. За всю долгую зиму вы видите одних и тех же людей. Вы успели узнать каждого жителя Туры в лицо, а если у вас хорошая память, то и по фамилии. Редко, очень редко попадают сюда зимой новые люди с „магистральной“. Разве только полярный летчик Ян Степанович Липп, хорошо знакомый всему Енисейскому северу, улучив денек, когда пурга использует свой выходной, проберется сюда на самолете. Так как же не радоваться первому каравану, пришедшему издалека, привезшему новых людей, новые книги, новые газеты, новые товары, новые патефонные пластинки? Сильна эта радость, искренна и естественна.

... Митинг состоялся тут же на берегу. Пришли эвенки-совпартшкольцы, одетые в белые летние пид-

жаки, рубашки с галстуками. Они выстроились в два ряда около трибуны. Точнее говоря, никакой трибуны не было. Ее заменял выступ берегового яра.

Выступали представители окружкома партии, представители советских организаций, эвенки-стахановцы. Они говорили о том, как бурно развивается их округ, как заботятся об эвенкийском народе советская власть и партия, как растет этот, в прошлом забытый и темный, народ. Они говорили, что наш рейс есть одно из проявлений заботы о нуждах эвенкийского народа. Много было сказано на митинге хороших и теплых слов, идущих от сердца.

Наш помполит Лукашев выступил с ответным словом. Он заметно волновался и говорил не совсем гладко. Он сказал, что вся команда никогда не забудет теплого приема, оказанного в Туре. Он сказал еще, что в Туре нам всем, наверное, очень понравится и на будущий год в это же время мы вновь приведем сюда караван.

Эти слова вызвали шумное одобрение.

— Свежие газеты! Свежие газеты! — закричал юркий мальчуган, размахивая пачкой белых листков. Оказывается, редакция газеты „Эведи омакта ин“ („Эвенкийская новая жизнь“) выпустила специальный номер, посвященный приходу каравана.

Вот что там было написано в приветствии эвенкийского окрисполкома и окружкома партии:

„Славная команда крупнейшего теплохода нашего края „Красноярский рабочий“ 13 июня 1938 года прибыла в Туру и доставила сразу около 1000 тонн необходимого груза для нашего национального округа.

Этот ранний приход основного груза обеспечивает своевременную заброску грузов водным путем в отдаленные торговые точки округа, освобождает и сохраняет олений транспорт, рабочую силу в период пушных заготовок, что, в свою очередь, обеспечивает

перевыполнение экспортных планов пушных заготовок, еще большее увеличение заработка охотников—коренного населения округа—и улучшение их материального благосостояния.

Этот рейс в Туру есть лучший подарок эвенкийскому народу ко дню выборов в Верховный Совет РСФСР“.

По правде говоря, до прихода в Туру в команде никто и не думал, что рейс получит такую хорошую, теплую оценку. А сейчас все чувствовали себя немножко героями дня, как-то подтянулись, стали сдержаннее, серьезнее...

Что же такое Тура?

Так что же такое Тура? На перо так и просятся привычные фразы, примелькавшиеся на газетных столбцах:

„...Там, где еще недавно стояла непроходимой стеной дремучая тайга, сейчас раскинулся центр Эвенкии—Тура“.

Или:

„...В глухой тайге, за тысячи верст от железной дороги расположена столица Эвенкийского национального округа, форпост культуры, будущий город Тура“.

Есть некоторая доля истины в этих фразах. Но Туры они все-таки не определяют. Тура проще и будничнее. Столица Эвенкии—это слишком громко для Туры. Кстати, и настоящей тайги вокруг нее нет.

На очень подробной современной карте, изданной Всесоюзным арктическим институтом в 1938 году, вы тщетно будете искать Туру. Туры вы не найдете. Лишь где-то около жирной линии Нижней Тунгуски прилепился крохотный кружок, с надписью мелким шрифтом „Туринская культбаза“. Мягко выражаясь,

карта не отражает действительности. Здесь сказался некоторый консерватизм, непростительный для географов. Несколько лет тому назад при впадении реки Кочечумо в Нижнюю Тунгуску действительно стояли одинокие домики культбазы. Но ведь это было несколько лет тому назад. А жизнь властно корректирует карты, корректирует ежегодно, даже ежемесе-
сячно.

И вот, на стрелке двух рек постепенно и незаметно возник поселок с электрическим освещением, своей газетой, кино и аэропортом. Он не очень велик по нашим понятиям, но по северным условиям его можно назвать большим поселением, заслужившим право на то, чтобы слово „Тура“ на картах писалось жирным шрифтом.

В Туре есть двухэтажные дома, есть коттеджи. Построено здесь за последние годы много, но все же недостаточно: население растет куда быстрее, чем квадратные метры жилой площади. Жилищный вопрос—очень острый вопрос для туринцев. Лес, что окружает поселок, обманчив: из него много нестроишь. Лиственница лесотундры не дает хороших бревен для стройки, их надо сплавлять с верховьев, из Ербогачен.

В Туре немало приезжих. Здесь можно найти и уроженца Крыма, и ленинградца, и омича. Что привлекло их сюда, за тысячи верст от родных мест? Может быть, пресловутый длинный-предлинный „северный рубль?“ Есть, конечно, в Туре небольшой процент таких искателей солидных окладов, нагрузок за отдаленность, надбавок за суровость климата. В семье—не без уroda.

Старожилы их терпеть не могут и они ищут сочувствия у вновь приехавших. Но находят его редко. Все меньше и меньше становится на нашем севере залетных стяжателей. Их быстро раскусывают и с

первой же оказией отправляют туда, откуда они явились.

Зато появились в Туре свои энтузиасты, хорошие и честные люди, полюбившие суровый край, сроднившиеся с ним. В первый же день по приходе в Туру я случайно услышал на берегу разговор между молодой светловолосой девушкой, счетоводом пушной конторы, и пареньком в выцветшей гимнастерке со следами отпоротых петлиц—вероятно, демобилизованным красноармейцем:

— Ну вот,—сказала она,—и караван пришел. Поди, чемоданы уже упаковал? На магистраль наверное, спешишь?

Он рассмеялся:

— Мне спешить некуда. Мне и тут неплохо. На годик еще останусь, а там видно будет. А ты?

— Да и я не тороплюсь. Поработаем еще немножко...

Поработаем еще! Убедительные слова! Ведь работы здесь непочатый край—интересной, живой работы, способной захватить и увлечь человека.

Двадцать пять лет тому назад на территории, занимаемой ныне Эвенкией, значилось несколько родов „бродячих тунгусов“. В полном взаимном согласии шаманы, кулаки, русские купцы, полицейские исправники обдирали и грабили трудолюбивый эвенкийский народ. Эвенки не знали, что такое грамота, плуг, жизнь в человеческих условиях.

Но зато какими гигантскими шагами пошел к своему счастью эвенкийский народ после Октябрьской революции. За последние 20 лет эвенки выросли во всех отношениях неизмеримо больше, чем за всю предшествующую историю, исчисляемую веками.

Сейчас Эвенкийский округ имеет уже свои крепкие национальные кадры. Это, прежде всего, — председатели колхозов, простейших производственных

объединений. Это — стахановцы-оленеводы, стахановцы-охотники, стахановцы-пахари. Это — председатели кочевых советов. Это — учителя, советские работники, воспитанники Ленинградского Института Народов Севера. Это — слушатели Туринской совпартшколы и колхозной школы. Это — работники факторий. Это — красночумцы.

На улицах Туры почти невозможно встретить неряшливо одетого эвенка. В жаркие дни коренные туринцы гуляют в белых костюмах. Волейбол стал любимой игрой эвенкийской молодежи.

Теперь — несколько цифр и фактов. В Эвенкии учится 94 процента детей и 87 процентов взрослых. 98,2 процента чумохозяйств округа работает коллективно — в простейших производственных объединениях. 37 семейств эвенков получают пособие от государства по многосемейности, 4 национальных колхоза перешли на оседлость. Райисполком завален требованиями: открыть школы во всех населенных пунктах. В округе насчитывается до 100 стенных газет, кроме того, выходит печатная газета „Эведи омакта ин“ („Эвенкийская новая жизнь“). Немало огородов распахано в Туре, Ванаваре, на глухих факториях. Жители получают устойчивые урожаи овощей.

В эвенкийской газете можно встретить такие объявления:

„Туринская молочно-животноводческая ферма предлагает организациям и частным лицам для посадки рассаду капусты всех сортов, а также огурцов, свеклы, помидоров, корней лука-батун“.

И это в тех местах, где очень долго, подозрительно долго „ничего не росло“!..

Мы уже говорили, что Тура — очень своеобразное поселение. Недалеко от совпартшколы — полянка. На полянке — столб с надписью „Банковский переулок“. Позвольте, где же переулок? Никакого переулка еще

Студентки Туринской совпартшколы на улицах Туры.

нет. Но он будет. Лес для домов, которые появятся на этой полянке, уже заготавливается.

Около кино, где время от времени демонстрируются новые фильмы, собираются совпартшкольцы и танцуют национальный танец „ихарьйо“. Это очень простой танец, состоящий из одного „па“. Очень древний танец „ихарьйо!“ Лет ему, наверное, столько, сколько живет эвенкийский народ.

Припоминается еще такой забавный эпизод. В Туре есть телефон. Я позвонил и попросил соединить меня с совпартшколой:

— Назовите номер,—ответила телефонистка.

— Да я не знаю номера. Я приезжий.

— Без номера не могу соединить. Раз порядок установлен, давайте подчиняйтесь.

Нечего делать, пришлось разыскивать телефонную книжку. Книжки, разумеется, не нашлось. Ее заменял лист бумаги, на котором без особенной тесноты разместились номера всех абонентов. Надо думать, что телефонистка помнила номера наизусть от первого до последнего. Но порядок есть порядок! Соединять по номерам как-то солиднее—напоминает большой город.

В Туре есть свой музей. Он помещается в одной из комнат большого школьного здания. Экспонатов в нем пока что немного, но они весьма интересны. Через них как бы проглядывает будущее Эвенкии. Это будущее—в кусочках угля, который можно найти чуть ли не на всех 78 миллионах гектаров ее территории. Есть тут куски свинцовой руды, очень тяжелые на вес. Глаза геолога загораются при виде разложенного в самодельной витрине исландского шпата. Килограмм его, говорят, стоит до 250 рублей золотом. Есть экспонаты, отражающие настоящее, сегодняшний день. Это—пушнина, пахнущая нафталином, это—овощи, выращенные в Туре. Это—диаграммы кол-

лективизации местного населения. Это—работы школьников—рисунки, вышивки, модели.

А в углу комнаты—прошлое. Шаманский бубен. Парадный костюм шамана. Самодельные ножи, хитрые ловушки, которыми зверя обмануть трудно, а поймать еще труднее.

В общем, туринский музей, еще не на высоте. Но самый факт его существования весьма отраден и показателен.

За обедом в местной столовой я разговорился с одним из туринских старожилов. Разговаривали, разумеется, о Туре. Я расхваливал ее, старожил расхваливал, но не очень сильно и не очень искренно—очевидно, только из духа противоречия.

— Мне кажется,—сказал я,—что в недалеком будущем—ну лет, скажем, через пять—шесть—Тура из поселка превратится в большой город.

Мой собеседник нашел такую постановку вопроса в корне неправильной.

— Будет ли Тура городом?—неожиданно разгорячился он,—конечно, в общепринятом смысле она может не стать таковым и через десять лет. Жителей в ней маловато. Но не забывайте где она расположена. А если отбросить количество жителей, то мы уже сейчас живем в городе. Давайте посмотрим, что есть в Туре...

И он, загибая пальцы, принялся перечислять признаки, по его мнению дающие Туре право называться городом. Пальцев обеих рук скоро нехватило. Вот что он нашел в Туре: электростанцию, клуб, больницу, среднюю школу, кирпичный завод, столовую, пристань, детские ясли и детский очаг, телефонную станцию, типографию, несколько лавок и ларьков, радиостанцию, совпартшколу и колхозную школу, молочную ферму, огородное хозяйство, спортилощадку, строя-

щийся теннисный корт, окружной музей, лесопильный заводик и многое другое...

Правда, пристань существовала в самом зачаточном состоянии, линия Туруханск—Тура не была еще нормально действующей воздушной магистралью, а электростанция ремонтировалась гораздо чаще, чем этого хотелось бы жителям Туры, — но в общем мой собеседник был по-своему прав.

Да, интересная и умная жизнь кипит у слияния двух рек, в поселке, откуда до ближайшей железнодорожной станции 2300 верст, в поселке, около которого можно встретить медведя...

И когда теплым летним вечером закончилась выгрузка, а первый гудок собрал на берег толпу провожающих, я испытал чувство, очень похожее на грусть. Мне стало жаль расставаться с Турой. Кое-где уже зажглись огоньки ламп. Над рекой звучали песни, пела гармонь, слышался мерный всплеск весел: с того берега возвращались с прогулки совпартшкольцы. Из нижнего салона доносились взрывы хохота: там ужинала команда, вернувшаяся с выгрузки. Неожиданно в вечернем воздухе громко, звучно запела скрипка: радист Костя решил на прощанье дать концерт и включил динамики.

— Ну, вот и кончен рейс, — задумчиво сказал поллит, незаметно подошедший сзади, — через полчаса снимемся с якоря. А я бы побыл здесь еще денек-два...

...Третий гудок. Его слышно, наверное, километров за двадцать, а то и тридцать — такая тишина разлита в вечернем воздухе.

— Счастливый путь, — кричат с берега, — приезжайте еще!

Медленно идет из воды толстая якорная цепь. Два удара колокола — якорь поднят.

— Тихий, вперед.

— Полный.

Прощай, Тура! Зеленый мыс уже наплывает на твои домики, закрывая их своей непроницаемой для взора толщей. Прощай, Тура!

...А за пять тысяч километров плотный, приземистый человек говорит своему секретарю: „Браток, отправь-ка радиogramму“.

Точки и тире бегут через эфир, разыскивая наши задымленные антенны. Антенны ловят их и спускают по проводу в каюту радиста.

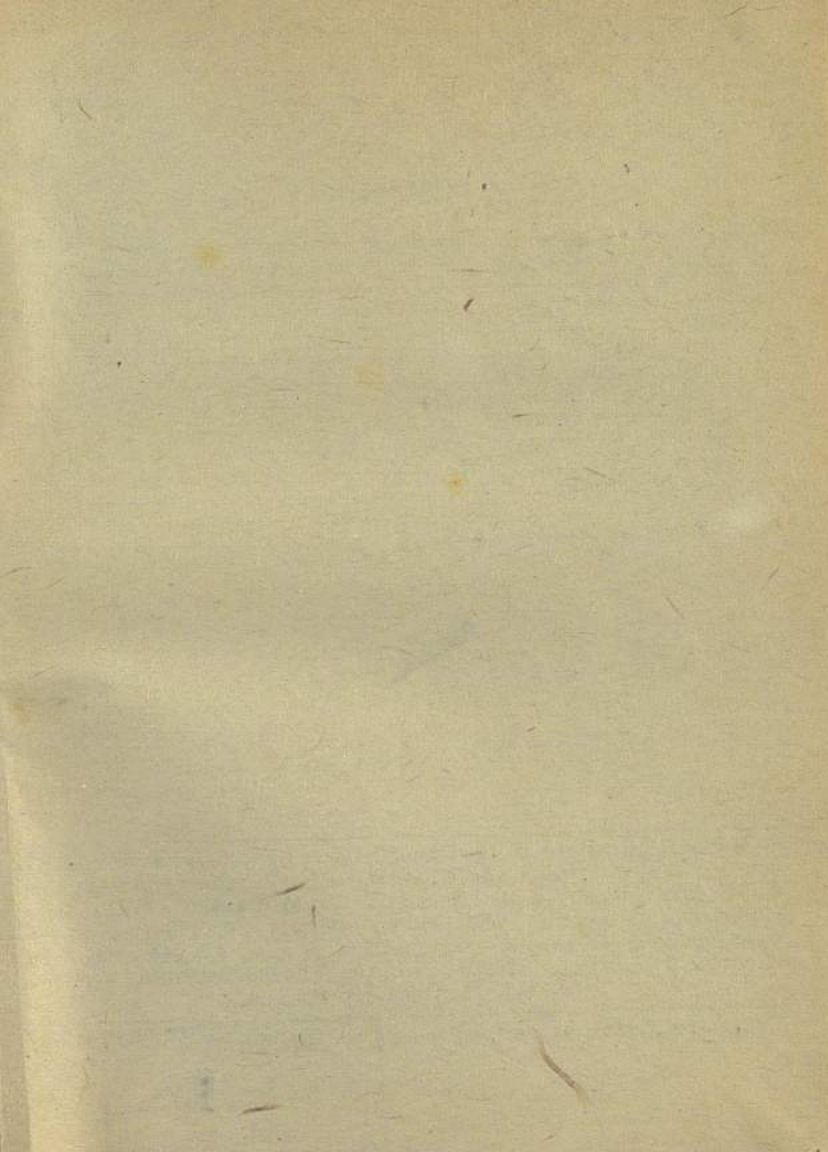
Радист легко переводит с языка телеграфного кода. Карандаш проворно бежит по бумаге. Лицо Кости расплывается в широкую улыбку. Закончив прием, он опрометью бросается вон из каюты на палубу, на мостик.

— Читайте!—кричит он, размахивая белым листком.

Мы читаем:

„Передайте наше искреннее пожелание дальнейших успехов команде теплохода, командному составу по поводу удачного завершения рейса в Туру. Папанин, Белахов“.

...Убегают назад берега. Волны расходятся за кормой. Может быть через год, в эту же пору, мы придем сюда вновь, пройдем проторенной водной дорогой в Эвенкию. Нам встретят, как желанных гостей. И от этой мысли, и от того, что рейс завершен удачно, и от того, что в воздухе чудесно пахнет лиственницей, хочется петь громко, громко, так, чтобы, размноженное горным эхо пение несло бы над караваном, над лесом, над простором сильной и большой реки.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
К читателю	3
Экскурсия по карте	5
Енисейск	10
"Черный остров"	19
"Щеки"	29
Большой порог	33
У самого полярного круга	42
Тунгусская Сцилла и Харибда	48
Река сказочных богатств	54
Просматривая комплект газеты...	57
Поход в Туру	62
Страничка истории	67
Встреча	69
Что же такое Тура?	74

Г. Кублицкий. Рейс в Эвенкию. 1939 г. Краснояргиз № 36. Индекс. Х-3-в. Отв. редактор И. В. Кокорев, Технический редактор Ан. Бойко. Корректор П. Пашенных. Сдано в набор 25/IX-1939 г. Подписано к печати 20/XI-1939 г. Формат 70×108¹/₈₂ д. л. Тираж 10000 экз. Объем: 2,75 печ. л., 1,37 бум. л., 3,8 учет. изд. лист. В одном бум. листе 125000 тип. зн. Уполномоченный крайлита № Б-71. Цена 1 р. 15 коп.

Тип. из-ва „Красн. рабоч.“, проспект им. Сталина, № 55. Зак. № 4847.

Ц. 1940 г.
Акт № 384

Вкладыш

39-9

2546